

№7
Июль 2018

РУССКИЙ КЛУБ

**ТВОИ ГОДА – НАШЕ
ОБЩЕЕ БОГАТСТВО!**

Стр. 6

80

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rsmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7
(153)
Июль 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6** ТВОИ ГОДА – НАШЕ ОБЩЕЕ БОГАТСТВО!
- 13** НАШЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ!
- 20** ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27** НИКТО НЕ ЗАБЫТ...
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 28** БАГДАТСКИЕ НЕБЕСА ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 32** О, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ГАФТ!
НИНА ШАДУРИ
- 36** КИНОМАНИЯ “СОДРУЖЕСТВО”
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 42** ЛЮБИМАЯ АКТРИСА
- 43** ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР
- 44** ПИСАТЕЛЬ МЕЖДУ НАРОДАМИ, ЛИТЕРАТУРАМИ, ЭПОХАМИ
ЕЛЕНА ЧХАИДЗЕ
- 50** “О ТЕХ, КТО С ГРУЗИЕЙ ДРУЖИТ”
ЛИЯ БУАДЗЕ
- 52** “Я ВЕРНУЛСЯ В МОЙ ГОРОД”
АРИНА БОРИСОВА

На обложке – **Вахтанг Кикабидзе**
Фото **Александра Сватикова**

ОТ ДО

— Роб АВАДЯЕВ

ПАЛАЧ И ЖЕРТВА, ИЛИ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ ДОБРА

Мало что на свете ужаснее революционного террора, когда исторический процесс, призванный улучшить жизнь угнетенных, превращается для них в дорогу мучений и испытаний. Самое страшное, революции калечат людские души вседозволенностью и падением цены человеческой жизни. И великая из великих Французская революция конца XVIII века стала самым ярким подтверждением античеловеческой сущности этого исторического феномена. Светлые и чистые романтики превращались в кровавых палачей из лучших побуждений, когда уничтожались люди только за то, что не разделяли веры в светлое будущее. А подчас терроризировались вовсе не какие-то там классовые враги, а свои же революционеры, которые оказывались недостаточно кровожадными и радикальными. Как сказано Пьером Верньо: «Революции пожирают своих детей». Позднее эту фразу приписывали Дантону или Демулену. Хотя эти лихие ораторы вполне могли при слу-

чае щегольнуть эффектной, хоть и не своей фразой. А случай им представился, эти двое пламенных революционеров, как и тысячи других, окончили свой недолгий жизненный путь под ножом страшной машины для отрезания голов – гильотины, придуманной для «гуманизации смерти» врачом и построенной мастером по изготовлению фортепиано. Про нее пели уличные песенки, называя «лучшим лекарством от мигрени», которое выписывает знаменитый «Друг народа» – доктор Марат. Так звали одного из самых страшных деятелей Великой французской революции. Это был совершенно обезумевший от кровавой вакханалии народного бунта разносторонний интеллигент. Сам он никого не убивал, но его слова разили без промаха. Не было в истории более яростного трибуна и публициста, отличающегося абсолютной резкостью суждений, неуважением к авторитетам, высокомерием и неподкупностью. Жан Поль Марат был теоретиком революции и идеологом якобинского террора. Его называли «цепным псом» Конвента. По его слову толпы людей, включая самого короля Людовика XVI, шли на смерть. Но и ему это не давалось легко – постоянное нервное напряжение сделало его больным человеком, страдающим мучительной кожной экземой, когда все тело зудело и днем, и ночью. Марат даже вынужден был работать, сидя в ванной, чтобы хоть как-то унять зуд. Он работал над выпусками своего журнала и обращениями в Конвент дома, по грудь в воде. Так он принимал и посетителей. А однажды к нему на прием пробилась симпатичная барышня из провинциального Кана. Она принесла ему список «врагов народа», осевших в этой глуши и якобы готовивших контрреволюционный мятеж. Марат, в предвкушении нового судебного процесса, обрадовался и воскликнул, что скоро все они отправятся на гильотину. Но тут же получил два удара ножом прямо в сердце. Ну, это мы все видели на картине художника Давида во всех школьных учебниках. Так погиб легендарный «Друг народа», но, по сути, кровавый упырь. А на гильотину отправилась его убийца – Шарлотта Корде, молодая женщина из обедневшей аристократии и правнучка великого французского драматурга Корнеля. И она с таким достоинством приняла смерть, что даже вызвала уважение своих палачей. К слову, Шарлотта вовсе не

была монархисткой, а напротив – жирондисткой, выступавшей против безжалостных якобинцев и считавшей их тиранами и могильщиками демократии. Эта история произошла 225 лет назад жарким днем 13 июля 1793 года.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЗОЛУШКУ

Эта сентиментальная история, достойная сюжета голливудской или пуще того индийской мелодрамы, произошла в реальности. Ох, уж этот XVIII век, чего в нем не случилось! Русский вельможа женился на крепостной актрисе. И не абы какой, а самый богатый в России – граф Николай Шереметев, обладатель невероятного личного состояния – по слухам, самого большого в истории человечества. Куда там до него царю Крезу и современным рокфеллерам! У него были земли с небольшой европейскую страну, двести тысяч крепостных, дворцы, усадьбы, парки, коллекции произведений искусства и даже свои театры. Он был внуком петровского фельдмаршала, сыном друга детства юного царя Петра II, сам Николай рос с будущим царем Павлом I и был его довереннейшим конфидендом, как тогда говорили. Получив домашнее образование, он отправился учиться в Европу, в Лейденский университет, побывал в Голландии, Германии, Англии. Учился игре на виолончели в Париже у Ивара. Там, между прочим, подружился с пятнадцатилетним Моцартом. По слухам, отец Вольфганга, предприимчивый и практичный маэстро Леопольд добился у молодого русского графа немалой финансовой помощи. По возвращении Николай Петрович вплотную занялся придворной карьерой и своими домашними делами, приводя их к европейскому идеалу эпохи Просвещения. Его крепостные занимались науками и ремеслами, отправляясь на учебу в Москву и Питер, занимались искусства-

ми, театром, пением, живописью и архитектурой. Он создал настоящую «кузницу кадров». И вот тут-то оказалось, что среди тысяч своих крепостных ему милее всех юная девочка с чудным голосом – Прасковья Ковалева, которой Николай Петрович подобрал сценический псевдоним Жемчугова. Она не была писаной красавицей, но обладала такой прелестью и человеческой добротой, что граф влюбился на всю жизнь. Прекрасная певица и актриса, блиставшая в постановках крепостного театра. Ее слушала сама Екатерина II и была настолько очарована талантом, что подарила Прасковье бриллиантовый перстень. А когда на престол взошел друг Павел I, граф Шереметев решил, что настал момент осуществления мечты – жениться на своей бывшей крепостной. Он уже давно дал Параше и всей ее семье вольную. Но не тут-то было, царь ответил попросту: «Коля, не дури!» Тут-то граф пошел на принцип – если жениться, то только на любимой. Они тайно обвенчались в храме на Поварской. Свидетелем графа был архитектор Кваренги. С Павлом они все равно остались друзьями, и Николай даже ужинал с ним в последний вечер перед убийством царя. Но, узнав о венчании, родня отвернулась от Шереметева, двор хранил ледяное молчание, а новый царь Александр Павлович укоризненно качал головой. Бедная Параша, родив графу сына, умерла от чахотки спустя три недели. Николай был безутешен и посвятил всю оставшуюся жизнь благотворительности, завещав заниматься тем же самым их сыну Дмитрию, которого он буквально заставил царя Александра I признать своим законным наследником. Памятником любви графа к Параше стал Странноприимный дом на Сухаревке – там сейчас знаменитая больница Склифосовского. Прасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова, графиня Шереметева и, по воспоминаниям современников, гениальная актриса, родилась 13 июля 1768 года.

ГАЛКА – ПТИЦА В МРАЧНЫХ ПЕРЬЯХ

Он вовсе не был каким-то «отмороженным», и не был уж каким-то особенным дурачком, над которым смеялись бы одноклассники, которого дразнили бы мальчишки на улицах и которого не любили девушки. Хотя, некоторая странность в его облике

все же бросалась в глаза. Он был худощавым печальным молодым человеком с грустными глазами, малоразговорчивым и склонным к рефлексии и самоанализу. Но всегда элегантно. В памяти потомков и в истории мировой литературы он остался гениальным и необычайным по своей глубине писателем по имени Франц Кафка. Его мир был настолько мрачным, что советские читатели шутили: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Он родился в еврейском квартале Праги и жил в атмосфере деспотии своего строгого отца. Был замкнутым юношей, унаследовав от матери меланхоличность и мечтательность. Когда Франц вырос, то стал жить вне быта своего национального круга, вне традиционной религии, обратив себя к европейской культуре, и работал строго на немецком языке. Окончив университет, Кафка стал доктором права и устроился в страховое ведомство, где и проработал до выхода пенсию по болезни. Он был на хорошем счету, но дело свое не любил и занимался им постольку-поскольку. Франц рано понял свое истинное призвание – занятие литературой. Угрюмая атмосфера детства, долгая несамостоятельность и неспособность завести свою семью сформировала его мрачный, пессимистический взгляд на жизнь. Этот общепризнанный гений очень мало печатался при жизни – всего четыре сборника рассказов, оставив свои основные произведения – «Америку», «Процесс» и «Замок» в той или иной степени незавершенности. Умирая от туберкулеза, он велел своему другу сжечь все свои рукописи. Но Макс Брод – спасибо ему от благодарного человечества – не послушался. Теперь все мы можем, сняв с полки книгу, погрузиться в мрачный,

парадоксальный и фантастический мир гениальной прозы Франца Кафки, родившегося 135 лет назад 3 июля 1883 года. Его фамилия с чешского переводится, как «галка».

ТРУДНО БЫТЬ ГЕРМАНОМ

Фильм Алексея Германа «Проверка на дорогах» сразу по выходе потряс наших зрителей. Его смогли увидеть только в годы Перестройки, когда «с полки» снимались и пускались в прокат незаурядные фильмы советских кинематографистов – «Комиссар» Аскольдова, «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, «Порох» Алексея Германа, сына знаменитого писателя Юрия Германа, автора популярных книг «Дорогой мой человек» и «Дело, которому ты служишь». Публика заприметила режиссера Алексея Германа-старшего давно. Очень заметным полу-

чил его «Иван Лапшин» по повести отца. Алексей Юрьевич сразу стал знаменитым, а его немногие фильмы сразу становились событием. Так было с «Хрусталева, машину» и «Трудно быть богом» по повести братьев Стругацких. Но, как всякое многоплановое произведение, почти любой из его фильмов нелегко для восприятия. Любители экшена в фантастике не простили ему истории про Румату за сложность и беспросветность. А выдающийся итальянский писатель-медиевист Умберто Эко говорил в защиту посмертного фильма Германа, что его «Трудно быть богом» нужно принимать, как лекарство, чтобы не романтизировать излишне Средневековье. А лекарство это горькое. Выдающемуся кинорежиссеру Алексею Юрьевичу Герману 20 июля исполнилось бы 80 лет.

80

Тбилиси. Памятник героям фильма «Мимино». Скульптор Зураб Церетели

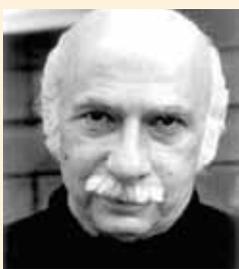
ТВОИ ГОДА – НАШЕ ОБЩЕЕ БОГАТСТВО!

НАНИ БРЕГВАДЗЕ
Народная артистка СССР

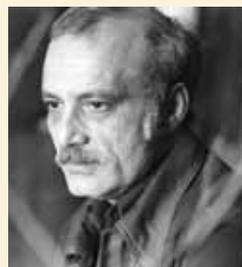
О Бубе уже сказано очень-очень много. Что я могу добавить? Он не только актер и певец. Он необыкновенный человек. Личность. Он для меня – даже не брат. Мы с ним – одно целое. Так получилось. Мы прожили долгую интересную творческую жизнь. И дружим до сих пор. Он очень мягкий, невообразимо добрый, талантливый, с огромным чувством юмора. Другого такого популярного человека в нашей стране нет. У него замечательная аура, и поэтому его все так любят. Это надо видеть своими глазами! Вы не можете себе представить, что творится с людьми, когда они видят Бубу! Куда бы мы ни приехали, закрываются магазины, останавливается движение, и все бегут к нему. Он любимый человек для всех. И это его держит, помогает. Сегодня он не очень здоров, но все равно выступает и стоит на сцене по два часа. Из-за этого я его всегда ругаю, говорю, что в отношении к своему здоровью он хуже Кобзона. А еще – я редко встречала на сцене другого такого же элегантного исполнителя. Он производит такое впечатление, что даже может не петь – на него достаточно просто смотреть, и это уже огромное удовольствие.

Я очень хочу, чтобы Буба долго жил и долго радовал нас своим присутствием в нашей жизни! Он это заслужил.

ГИЯ КАНЧЕЛИ
Народный артист СССР

Я всегда был поклонником Бубы Кикабидзе. На мой взгляд, картина «Не горюй», в которой он сыграл одну из лучших своих ролей, – неувядаема. Это фильм на все времена. Вместе с его режиссером Георгием Данелия мы сделали семь картин, во многих из которых снимался Кикабидзе... Но именно после «Не горюй» я преклоняюсь перед многогранным талантом этого потрясающего артиста. Наши жизни прошли во взаимном уважении друг к другу. Что ему пожелать в день юбилея? Здоровья и еще раз здоровья. Не понимаю, откуда он берет силы для выступлений на сцене, на глазах молодея и превращаясь в двадцатипятилетнего человека. На мой взгляд, это настоящее мужество, героизм большого мастера! Хочу пожелать ему прожить столько лет, сколько ему подарит Господь Бог. Кикабидзе очень популярен, и вокруг него всегда много разговоров. К примеру, недавно он критично высказался по поводу СССР. За этим последовала реакция. Так, российский сенатор Алексей Пушков сказал, что не будь СССР – не было бы и Кикабидзе. Ему возразил российский писатель-сатирик Виктор Шендерович: «Кикабидзе – ему бог дал столько таланта и обаяния, что он был бы, если бы не Советский Союз, разумеется, европейской звездой. Он был бы Азнавуром». Я это мнение полностью разделяю.

ГЕОРГИЙ ДАНЕЛИЯ
Народный артист СССР

Бубу я очень люблю. Он прекрасный человек и не менее прекрасный актер. Несколько своих фильмов я снял только ради него. К сожалению, нам не удалось снять «Хаджи-Мурата», о котором мы оба мечтали. Уже почти начали снимать, но картину остановили... Я желаю Бубе оставаться таким, каким он был всегда. А его родным – всего того хорошего, что только могут пожелать близкие люди.

ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ
Народный художник СССР

Дорогой Буба!

Прими самые теплые, искренние, сердечные поздравления с твоим знаменательным 80-летним юбилеем!

Один из блистательнейших представителей творческой интеллигенции нашего времени, ты одарен всевозможными и равновеликими талантами. Великолепный певец, автор песен, киноактер, сценарист и кинорежиссер, человек огромного обаяния, ты обладаешь богатейшей творческой палитрой, особым даром, которые позволили тебе создать знаковые образы эпохи, вошедшие в Золотой фонд киноискусства.

Обладатель многочисленных наград и званий, ты широко известен, объездил с кон-

церами пять континентов и повсеместно пользуешься непререкаемым профессиональным авторитетом. Думаю, твое искусство стало креативным началом для многих творцов – композиторов, поэтов, сценаристов, режиссеров... Я же был настолько восхищен шедевром «Мимино», что постарался сохранить в бронзе твой известнейший кинообраз вместе с великими коллегами.

Рад возможности выразить свое глубочайшее почтение и восхищение твоей неисчерпаемой энергией и еще раз поздравляю тебя с юбилеем, а также передаю поздравления и наилучшие пожелания от всей моей семьи. От всей души желаем тебе, дорогой Буба, и твоим близким неизменного вдохновения, крепкого здоровья, благополучия, счастья, мира и процветания.

ЭЛЬДАР ШЕНГЕЛАЯ
Народный артист СССР

Поздравляю дорогого Бубу с восьмидесятилетием! Желаю здоровья любимому человеку. Буба является самым популярным и любимым певцом и актером. Этого так просто не добиться. Его талант и обаяние, которые вместе проявились в фильмах Гии Данелия, покорили страну. Я думаю, что он, наверное, первый шоумен на грузинской эстраде. Его колоритная манера исполнения никого не оставляет равнодушным.

Лично для меня он очень близкий друг и родной человек еще и потому, что является крестным моей дочери Элене. Дорогой Буба, живи долго и твори на радость всем.

ТАМАРА ГВЕРДЦИТЕЛИ
*Народная артистка Грузии,
Народная артистка России*

Дорогой батано Буба!

Поздравляю вас с юбилеем! Вы были, есть и будете символом таланта, образцом достоинства, воплощением надежды. Ваше творчество дарит людям тепло, веру в добро, и это самое главное, что может сотворить Артист. Что бы ни случилось, как бы ни закрутилось колесо истории, вы – историческая личность, человек-эпоха. Ваша уникальность и абсолютная неповторимость заключена в том, что вы сделали – и в искусстве, и в жизни. И я совершенно точно знаю, что ваше творчество – это и есть ваша позиция. Счастья вам, здоровья и много творческих побед!

Многая лета! Мравалжамиер!

ЭДИТА ПЬХА
Народная артистка СССР

Уважаемый Вахтанг!

Вы удивительный человек! Ваши года – это ваше богатство, которое только приумножается! А к вашему «богатству», я хочу пожелать здоровья, здоровья и еще раз здоровья!

А еще я хочу пожелать себе скорейшей встречи с вами! Мы

вспомним, что было хорошего и важного в нашем времени, ведь мне, как и вам, в этом году исполняется 80 лет!

ЮРИЙ РОСТ

Российский фотограф и журналист, писатель, актер, телеведущий

Поздравляю дорогого Бубу с огромным уважением, нежностью и любовью! Я отношусь к нему с большим доверием, и это в наше время больше, чем любовь.

Буба – человек с таким достоинством, что ему можно верить, можно доверять. Настоящий мужчина, настоящий грузин и настоящий человек мира, хотя и живет в своей замечательной стране и говорит на своем замечательном родном языке – грузинском. А еще – на русском, который он прекрасно знает.

Буба – прекрасный музыкант, выдающийся эстрадный певец и блистательный, просто блистательный киноактер. Он сыграл в двух фильмах, которые я обожаю – «Не горюй!» и «Мимино». Кстати, мне повезло сняться в одной картине вместе с Бубой – в «Фортуне».

А «Не горюй!» – это такое кино, по которому можно безошибочно определять, люди мы или нет. Благодаря моему любимому Вахтангу Константиновичу.

ГЕОРГИЙ ГЕГЕЧКОРИ

Председатель Театрального общества Грузии

От всего сердца поздравляю Вахтанга Кикабидзе с юбилеем. Всегда с удовольствием смотрю совершенно потрясающий фильм «Не горюй!» с его участием. В свое время картина – вольная интерпретация романа Клода Тилье (автор сценария Резо Габриадзе) была показана на каком-то знаменитом фестивале. Практически одновременно с грузинским фильмом во Франции была закончена французская экранизация романа «Мой дядя Бенжамен» режиссера Эдуара Молинару, с участием Жака Бреля в роли Бенжамена. Но «Не горюй!» был признан лучшим, отметили и сильную работу Кикабидзе. Хочу пожелать ему здоровья. Несмотря на проблемы в этом отношении, Вахтанг Кикабидзе ездит с концертами по разным странам и доставляет огромное удовольствие зрителям. Потому что его очень любят и ценят. Помню давний концерт в Тбилисской филармонии очень тогда популярного ансамбля «Орэра», в котором работал Буба. Был аншлаг! Билеты невозможно было раздобыть. Мы выросли на знаменитой картине «Орэра», полный вперед!». Но все-таки ничто не сравнится с образом Бенжамена из фильма «Не горюй!». Он незабываемый! Буба сыграл потом много ролей, но эта все равно особенная. Как бриллиант! В фильме были заняты выдающиеся артисты Верико Анджпаридзе, Евгений Леонов, Софико Чиаурели, Гоги Кавтарадзе. Но работа Бубы стоит особняком. В том числе и на фоне других его прекрасных ролей. Его очень любят повсюду. Пожелаем ему, чтобы грузинские и негрузинские режиссеры почаще приглашали

его в свои картины. Надеюсь, Буба Кикабидзе еще не раз сможет порадовать любящих его зрителей.

ЮРИЙ ШЕВЧУК

Народный артист Республики Башкортостан

ГРУППА ДДТ

Уважаемый Вахтанг Константинович, поздравляем вас, дорогой, с днем рождения!!! Спасибо вашим родителям Манане Константиновне и Константину Николаевичу за то, что предложили вам пожить на планете Земля и позволили нам прикоснуться к человеческому теплу вашего творчества, великолепным ролям в кино, песням, мудрости и честной гражданской позиции по самым актуальным вопросам нашего времени!

Поднимаем бокалы веселого грузинского вина за ваше здоровье!

Обнимаем! Всегда до встречи!

АЛЕКСАНДР РОЗЕНБАУМ

Народный артист РФ

Дорогой Вахтанг Константинович! Любимый мой Буба!

Поздравляю тебя с юбилеем! Это такой значимый юбилей! Не только для тебя, но и для всех-всех людей, которые тебя любят. Ведь тебя любят

десятки миллионов граждан бывшего большого Советского Союза – России, Грузии, Украины и т.д.

А я тебя не просто люблю, ты – мой брат старший! Я тебя поздравляю, желаю здоровья, дорогой мой, и всей твоей семье большой. Дай Бог, чтобы все было хорошо, чтобы ты не болел, чтобы ты чувствовал себя сильным, полным духа, который у тебя есть в полной мере.

Дай тебе Бог всего! Я так рад тебя поздравить!

Целую, обнимаю тебя, брат мой!

Диди мадлоба за все, что ты сделал для нас!

АНАТОЛИЙ ЯРМОЛЕНКО

Народный артист Беларуси

Алеся и все участники заслуженного коллектива Республики Беларусь ансамбля «Сябры»

Глубокоуважаемый Вахтанг Константинович!

Ваш талант, актерское мастерство, обаяние, искренность, честь и достоинство всегда вызывают восхищение и ощущение доброго взаимоотношения между людьми, невзирая на возраст, национальность, пол и т.д.

Батоно Вахтанг, поздравляем вас с юбилеем! Всегда оставайтесь таким, каким мы вас знаем и любим! Здоровья и сил, долголетия, вдохновения, успеха и благополучия вам и вашей семье. С огромным и искренним уважением, ваши белорусские друзья!

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ

*Заслуженный артист РСФСР,
Народный артист РФ*

Дорогой Буба!

На протяжении жизни мне приходилось сотни раз слышать от разных людей одну и ту же жуткую фразу – я вырос на ваших песнях. Так вот, наконец, ее могу произнести я. Когда я был маленький, то мог часами слушать, как ты поешь «Тополя» с «Орэрой». А потом были другие песни, а потом фильмы моего любимого Даниила, и всякий раз это становилось бесценным подарком мне и миллионам людей. Ты чудесный артист и очень красивый человек. Прими мои поздравления и низкий поклон!

ВЛАДИМИР ПРЕСНЯКОВ-СТАРШИЙ

Заслуженный артист России

Как скоротечно время! Как будто вчера я ходил на концерт «Орэра», где молодой веселый барабанщик Вахтанг Кикабидзе пел песню «Я пьян от любви»! А сейчас ему восьмидесятник?! Не смешите меня! Просто у этого джигита очередной день рождения! Дорогой Вахтанг Константинович! Вся наша семья обожает вас, и будьте всегда с нами! Счастья вам и еще много творческих удач!

ЛЮБА УСПЕНСКАЯ

Певица

В этот прекрасный летний день я хочу поздравить с юбилеем легендарного человека! Уважаемый и дорогой Вахтанг Константинович, 80 – это выдающаяся дата! Желаю, чтобы душевное тепло и радость всегда были с вами, здоровье было надежной опорой, а поддержка и любовь семьи постоянной и искренней! Пусть на вашем жизненном пути еще будет место приятным хлопотам и ярким событиям!

ЯДВИГА ПОПЛАВСКАЯ

Народная артистка Беларуси

Дорогой Вахтанг! Огромный привет из Беларуси!

Пользуясь замечательной возможностью, от всего сердца поздравляю вас с днем рождения! Очень хочется выразить большую благодарность за чудесные моменты общения с вами, за ту искренность, душевное тепло, внимание и светлые чувства, которые оставили в наших с Сашей сердцах незабываемые впечатления!

Крепкого здоровья, вдохновения, красоты, благополучия, добра и мира вам и вашим близким на многая лета!

Гагимарджос!

С любовью, глубоким уважением и надеждой на новые радостные встречи!

РОЗА РЫМБАЕВА

Народная артистка Казахской ССР

Дорогой наш, любимый Вахтанг! Я от всей души поздравляю! Я помню твоё первое появление на советской эстраде не только в составе ансамбля «Орэра», но и солистом. Я помню, как ты принес новый стиль, новую манеру пения, новый образ мужчины – элегантного, красивого, очень тонкого, нежного и очень душевного. Я помню твои песни, с которыми мы росли. Хочу сказать, что твой образ особенный, и наша публика всегда ждет тебя, у нас в Казахстане. Ты знаешь, как мы тебя любим, сколько раз вместе мы с тобой выступали. И, конечно же, в юбилейный год мы ждем тебя с нетерпением у нас в Казахстане! Хочу пожелать здоровья, исполнения всех желаний, побольше концертов, творческой формы. Оставайся таким же элегантным, красивым, добрым, с юмором. И, конечно, новых встреч с твоими слушателями, с твоими друзьями.

От всей души еще раз всего самого наилучшего!

Поздравляю!

АННЕ ВЕСКИ

Заслуженная артистка Эстонской ССР

Дорогой Вахтанг!
Трудно передать просто словами – без музыки и пения

– то, как мы все тебя любим в нашей Эстонии. Помню прекрасно концерты, где мне выпадало счастье выступать вместе с тобой! Ты всегда убедителен и прекрасен – на сцене, на экране, в общении. Твой талант делает жизнь богаче и прекрасней. Прими самые горячие поздравления с юбилеем, пожелания еще долго радовать поклонников и коллег своим искусством.

Люблю, обнимаю!

ВЕНИАМИН СМЕХОВ

Народный артист РФ

Прекрасное имя для русского слуха: Буба Кикабидзе!

На это имя – многомиллионный отклик Ваших почитателей: Кикабидзе – это весело! Кикабидзе – это талантливо! Кикабидзе – это честно, дерзко, лукаво, празднично! Кикабидзе – никогда не жалобно, не тускло, не обидно – потому что Буба Кикабидзе – ДОБРОТВОРЕЦ!!! Да здравствуй, дорогой артист!

ИРМА НИОРАДЗЕ

Народная артистка России

Многоуважаемый Вахтанг Константинович!

От всего сердца поздравляю вас с юбилеем!

Вы выдающийся певец и

артист, яркий представитель киноискусства, на вашем творчестве выросло множество поколений, и я благодарю судьбу, что еще маленькой девочкой слышала ваши песни.

Вас любят миллионы людей, ваш талант всегда покорял и будет покорять публику блестящим мастерством. У каждой вашей роли неповторимая история.

Еще раз поздравляю и желаю вам от всей души здоровья, бодрости духа, многая лета и неиссякаемого творческого вдохновения!

СТАНИСЛАВ МОИСЕЕВ

Народный артист Украины

Дорогой Вахтанг Константинович! Пользуясь счастливой возможностью, поздравляю вас с юбилеем! Вы всегда были и остаетесь образцом, примером для подражания как в творчестве, так и в своей гражданской и человеческой позиции. Желаю вам, большому Человеку, Мастеру, Артисту, Певцу, крепкого здоровья, немеркнущей творческой энергии и неизменной любви ваших почитателей! Поклон вам от всех деятелей культуры Украины, от всех ваших украинских поклонников!

ДМИТРИЙ ПЕВЦОВ

Народный артист России,

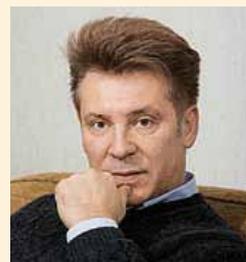
ОЛЬГА ДРОЗДОВА

Народная артистка России,

актеры «Певцов-театра»

Блистательный и неподражаемый, искрометный и сверхобаятельный, мужественный и неотразимый, разный и цельный, любимый с детства Вахтанг Кикабидзе! Ольга Дроздова, Дмитрий Певцов, наша мама Нозми (рожденная в Тбилиси) и группа молодых актеров «ПЕВЦОВЪ-ТЕАТРА» поздравляют вас с днем появления на свет Божий! Радости! Добра! Любви! Здоровья и процветания!

Божией помощи во всех добрых делах!

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

Народный артист России

Вахтанг Константинович, дорогой наш и любимый Буба, поздравляем с праздником, юбилеем, который и для всех нас, почитателей вашего артистического и человеческого таланта – событие... Любовь и глубокое уважение к вам мы бережно несем через годы, обстоятельства, печальные и радостные события жизни, нашей общей жизни, в которую, подчас во-

преки всему, вы всегда вносили радость, восторг, честь и достоинство. Знайте, вы – пример для тех, кто способен чувствовать, чье сердце благородно. Не боюсь повториться – вы один из символов Грузии и ее народа...

**АРАИК БАБАДЖАНЫН
МАЙЯ КИПИАНИ**

Дорогой, уважаемый Буба!

Очень рады возможности сердечно поздравить тебя с юбилеем!

На протяжении многих лет мы имеем огромное удовольствие наслаждаться твоим чарующим голосом, ярким артистическим талантом и огромным обаянием.

Присоединяемся к поздравлениям огромной армии твоих почитателей и желаем еще много лет радовать всех нас своим творчеством и большой человеческой теплотой.

Искренне любим!

ТЕНГИЗ (БЕБА) ДЖАИАНИ
*Композитор, заслуженный артист
Грузии*

Буба, дорогой мой, поздравляю!

Хочется пожелать тебе что-

то особенное, оригинальное, но ничего не приходит в голову. Ну, конечно же, здоровья, здоровья, здоровья и еще чуть-чуть. А ведь все остальное у тебя есть – и безграничная любовь твоего народа, и верность твоих родных и близких, и надежность твоих друзей, и в конце концов, богатство, о котором ты сам признаешься – это «твои года»! Наверное, в Грузии, да и не только в Грузии, нет человека любого поколения, который не знает и не любит Бубу – этого обаятельного дядю Бенжамена, трогательно-героического Мимино, неповторимого певца, да и вообще, просто хорошего парня, грузина.

Наша дружба начиналась еще в годы ранней юности. Ты как-то вспоминал, как мы пытались играть джаз у меня дома на Грибоедовской улице – пианино, кларнет, барабан и медная тарелка – наши первые, очень робкие шаги в том волшебном мире, который называется сценой. По ней ты шествуешь, или, вернее, мчишься вот уже столько лет, неся людям радость, любовь, настроение и надежду. Так не останавливайся же еще долгие-долгие годы – вот тебе мои пожелания!

Всегда рядом!

НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
*Директор театра имени А.С. Грибоедова,
президент МКПС «Русский клуб»,
заслуженный деятель искусств
РФ, заслуженный артист РФ*

Есть такое понятие – константа. Постоянная величина. Именно такой величиной для грузинского народа является Вахтанг Кикабидзе. Сменяются президенты и министры, парламентарии и оппозиционеры, а Буба остается Бубой.

Дорогой Вахтанг Константинович! От всего сердца поздравляю с юбилеем! Желаю здоровья, здоровья и здоровья! Живи долго – на радость и счастье твоим близким, твоим друзьям и всем нам, так крепко любящим тебя!

НАШЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ!

АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН

*Председатель Союза театральных деятелей РФ,
Народный артист России*

Дорогой Робик! Как говорят на Востоке: уста мои немеют – от избытка чувств, мыслей, пожеланий, не могу найти нужных слов. Впрочем, ты прекрасно знаешь, как я благодарен судьбе за то, что в моей жизни появился ты. И уже двадцать лет с тобой связано мое творчество, мои роли, мой театр. И с тобой нас связывает настоящая дружба, в которой нет подводных течений, недомолвок, неска-

занных слов. Мы с тобой всегда предельно искренни, мы искренни, когда обсуждаем что-то серьезное, когда шутим и когда просто вдруг замолкаем.

Для меня ты – большой Мастер, Исполин, как однажды я тебя назвал, великий режиссер, которому доверяешь безраздельно, с которым поднимаешься в гору и никогда не ходишь заезженными тропами. Я благодарен тебе за роли, которые ты мне подарил, за спектакли, за артистов театра, которых ты учишь, учишь, учишь... Ты терпелив и мудр, ты их покоряешь своим масштабом личности, своим умом, а главное, своим уникальным талантом. Ты предлагаешь нам то, что никто предложить не может – свое уникальное театральное мышление, свой метод, свое видение театра, за которым стоит вся огромная картина мира.

Спасибо тебе, мой дорогой,

родной Робик! Главное, чтобы ты всегда был рядом, даже, если ты в Тбилиси, я знаю, что ты есть. Будь здоров, здоров, здоров! Всех тебе благ, мыслимых и немыслимых! Здоровья и счастья всем, кого ты любишь!

ГИЯ КАНЧЕЛИ

*Композитор,
Народный артист СССР*

Я, наверное, уже шестьдесят лет с ним работаю и считаю Роберта Стуруа своим кумиром. Я абсолютно уверен в том, что он будет признан тре-

тым великим грузинским режиссером после Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели в истории грузинского театра. Счастлив, что в один прекрасный день мне довелось с ним познакомиться и быть в составе его постоянной постановочной группы. Спектакли Роберта Стуруа у меня ассоциируются с нестарееющими фильмами Чарли Чаплина. Потому что они тоже вне времени. И если восстановить спектакли Стуруа прежних лет, причем с теми же актерами, – увы, многих сегодня уже нет на свете: Рамаз Чиквадзе, Эдишер Магалашвили, Гурам Сагарадзе, Гоги Гегечкори и другие, – то они, эти спектакли, прозвучали бы так же мощно, как и много лет назад. В этом смысле у меня и возникают параллели с неувядаемым искусством Чаплина. Идет время, но его фильмы потрясают и сегодня... Я желаю Роберту Стуруа здоровья. Посмотрел его последний спектакль «Вано и Нико», а потом задал ему вопрос: «Роберт, до каких пор будет фонтанировать твоя неуемная фантазия?». Стуруа в ответ лишь улыбнулся. Может быть, мне еще доведется поработать вместе с ним? Я буду счастлив!

АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
Художественный руководитель театра им. Грибоедова и Свободного театра, лауреат премии им. К. Марджанишвили, лауреат Государственной премии Грузии

Со всей ответственностью заявляю: Роберт Стуруа является самой большой фигурой в истории грузинского театра, это не преувеличенная оцен-

ка, это факт, который все, кто хоть чуть-чуть коснулся истории театра, хорошо знают. Ни великий Котэ Марджанишвили, ни великий Сандро Ахметели не сделали столько, сколько сделал Стуруа. Возможно, им не повезло с эпохой, и они не смогли сделать того, что смог Стуруа, но факт, что Роберт Стуруа принес мировое признание и славу грузинскому театру. Мы же, его младшие коллеги, куда ни приедем, на какой только ни попадем театральный форум, нас везде спрашивают о нем, и мы с гордостью рассказываем о Роберте Стуруа. Но главное то, что куда бы мы ни приехали, везде его знают, везде с нетерпением ждут его театр, так как благодаря Стуруа они слышали о грузинском театре и верят: если театр из Грузии, спектакль обязательно будет интересным. Я знаю много стран, у которых нет такой роскоши, их театры не знают даже профессионалы. Поэтому Роберт Стуруа – гордость всей нашей страны. Я счастливый человек, потому что он был моим педагогом. 13 лет я стоял рядом с ним и все эти годы непосредственно наблюдал, как работает великий мастер. Наверное, когда-нибудь настанет тот час, когда я опубликую свои записи о нем, но сегодня, в его юбилей, хочу публично признаться ему в своем уважении и любви. Так как он радикально перевернул мою жизнь, и если хоть один человек признает меня режиссером, то это заслуга, в первую очередь, Роберта Стуруа. Он был не только моим педагогом, он с гордостью может сказать, что был педагогом всех режиссеров последующих поколений, так как мы все были под его влиянием. И, что главное, Роберт Стуруа стал той нишей, той целью, достичь которую стало большой мечтой каждого грузинского режиссера.

Желаю вам многие лета, чтобы у всех нас долго была эта ниша. Поздравляю с юбилеем, мой дорогой и любимый педагог!

НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Директор театра имени А.С. Грибоедова, президент МКПС «Русский клуб», заслуженный деятель искусств РФ, заслуженный артист РФ

Я с большим удовольствием хочу поздравить маэстро Роберта Стуруа, без ложного пафоса великого режиссера, эпохального культурного деятеля, на творчестве которого мы еще в юности осознали, что такое сила театра, его воздействие. Без сомнения, Робик Стуруа – символ нашей эпохи, символ великой грузинской культуры, грузинского театра и театрального искусства. Выдающийся деятель в широком значении этого слова. Кроме огромнейшего значения для театра, это человек, наделенный невероятным чувством юмора. Всесторонне одаренная личность. Прекрасный художник, тонко чувствующий музыку. Многая лета, Маэстро!

ГРИГОРИЙ ЗАСЛАВСКИЙ

Ректор Российского института театрального искусства

Я люблю Роберта Робертовича, люблю его и его спектакли, люблю его, когда его спектакли не люблю, потому что Роберт Робертович больше, чем его спектакли, некоторые – любимые и прекрасные, некоторые – не любимые и, по-

моему, не очень прекрасные. А Роберт Робертович прекрасен всегда. Веселый, как положено грузину, печальный и мудрый, всезнающий, какими бывают грузины. Говоря о нем, все-таки сбиваешься в жанре своих слов на тост, но это и к лучшему, потому что тост предполагает самые добрые пожелания, а тост о человеке всегда сопряжен с пожеланиями здоровья и долгих лет жизни. Нам на радость, себе – в удовольствие! Вы – наше театральное счастье, да и не театральное – тоже!

ЛЕЛА ОЧАУРИ

Театровед

Имя Роберта Стура знают многие, начиная с Грузии и, скажем, до Аргентины, или, до Москвы, знают те, кто никогда не был в театре Руставели, а может, вообще ни в каком театре. Те, кто не любит или кого не интересует театр, а интересует жизнь вне театра.

Моя память и память других, связанная с театром, имя Роберта Стура в первую очередь ассоциирует с великим прошлым грузинского театра и первыми спектаклями, всколыхнувшими общественность. Родилось великое имя, которое всегда с нами.

У Роберта Стура есть свои законы, согласно которым он правит своим царством. Для кого-то эти законы приемлемы, и он подчиняется им, а для кого-то это – беззаконие. Или узаконенное беззаконие.

«Сейлемский процесс», «Кваркаре Тутабери», «Ханума», «Кавказский меловой круг», «Ричард III», «Похороны в Калифорнии», «Дракон», «Король Лир», «Жизнь есть сон», «Гамлет», «Макбет», «Женщи-

на-Змея», «Ламара», «Человек ли он?», «Двенадцатая ночь, или как вам угодно», «В ожидании Годо», «Бидерман и поджигатели», «Юлий Цезарь»... – это спектакли о главном, выражающие позицию режиссера. Наряду с этими масштабными, политически окрашенными спектаклями, ценные постановки, построенные на вечных проблемах, – «Ханума», «Роль для начинающей актрисы», «Концерт для двух скрипок с восточными инструментами», «Стикс», «Добрый человек из Сезуана», «Грузинская азбука», «Евангелие от Иакова», «Что ж с того, что мокрая сирень», «Где-то, под радугой», «Вано и Нико», которые раскрывают перед нами тайны земного существования и ведут в путешествие во внутренний мир общества.

Это, так сказать, неполитический театр Стура. И еще одно ответвление – художественная данность, направленная на представление человеческой судьбы и индивида, в отличие от спектаклей с ярко выраженной политической окраской, где бушуют совсем другие страсти, правят совсем другие законы, другие масштабы и орбиты, и все это состоит из маленьких человеческих историй. Потому это так интересно.

И еще – мы обнаружим в спектаклях, созданных за последние годы: «Маска врага», «Мария Каллас. Урок» и «Узаконенное беззаконие», – нового, «другого» Роберта Стура, режиссера с другим почерком, другого стиля, других устремлений и интересов, который может, если понадобится, провести мастер-класс на любую тему и в любой форме. Мы видим режиссера, который может быть жестким, безжалостным, напористым, человеконенавистником, может быть наполненным сочувствием, нежным, грубым, милосердным и несчастным. И в то же время, что самое главное, мы видим личность, которая не может или не хочет прятать свои

мысли.

Мы видим режиссера, который лучше всех знает, что происходит и почему, что произошло и может произойти, почему нужно жить «так». И не захочется или не сможешь жить по-другому; режиссера, для которого настало время покаяния. И это все является венцом выпущенных из заточения слов, историй, а полученная награда – внутренняя свобода, которая дороже царского венца и славы.

Если не с насмешкой, то легко, со смехом Стура смотрит на себя самого, самоиронией оценивает все, что сделал, – говорит многозначными символами о бессодержательном существовании, о суете жизни, о власти, о богатстве, о ничемной борьбе политического и религиозного влияния.

Роберт Стура вступил в новую эру. В фазу поисков самого себя и откровения в своем театре. Поисков новой формы, как мы это видим. Но что происходит в реальности? Кроме него, этого никто не знает. Это новая игра, новый вызов 80-летнего мудреца, который ставит ловушку для общества, строит провокацию, дает урок, а сам с иронией смотрит из-под маски на нашу реакцию и от души смеется над нашими «открытиями».

НАТАЛИЯ КАМИНСКАЯ

Театральный критик, журнал «Сцена»

Дорогой батано Роберт!

Даже не берусь измерить, что вы значите в моей театральной жизни! Благодаря вам, а еще раньше – Товстоногову, чьим «внуком» в режиссуре вы себя как-то назва-

ли, я выбрала эту неблагодарную профессию «театральный критик».

Однажды (была я еще студенткой филологического факультета и связываться с театром не решалась) увидела на гастролях в Москве «Кавказский меловой круг» и потеряла покой. Вы создали шедевр и сами это прекрасно знаете. Я только хочу добавить, что такой простой, легкий, музыкальный, но одновременно такой сложный и беспощадно точный в своих диагнозах театр перевернул сознание московской девочки. Правда, наполовину грузинского происхождения, но это уже детали.

Однажды мой будущий свекр отвел меня в Тбилиси на этот же спектакль, и я решительно отказалась от перевода – музыка речи докрасила недостающие эпизоды в вашей классически стройной истории – это были новые мощные впечатления.

Однажды почти тридцать лет спустя вы снова привезли свой шедевр в Москву, и я потащила сыновей – вот, мол, ловите, больше не увидите. Спектакль нисколько не постарел, хотя Рамаз Чхиквадзе с трудом выводил бельканто, а фигура Жанри Лолашвили утратила стройные очертания. Но мы увидели спектакль, над которым не властно время. Разве что нежность интонации уже к тому времени была не в чести.

Вы и сами от этой интонации постепенно уходили, ибо мало кто так, как вы, слышит музыку времени. Раз от разу: «Ричард III», «Король Лир»... Потом весь мир перевернулся. В нетопленном театре Руставели вы набрали новую, молодую команду и с тем же азартом, но без прежней веселой беспечности выпустили трагического «Макбета», фантастическую (ее смыслов хватило бы на десять спектаклей) «Двенадцатую ночь, или как вам угодно», метафизическо-

го «Гамлета», саркастические «Незгоды Дариспана»... Но к тому времени мы уже узнали и «московского» Стуруа. Такого смелого и горького «Шейлока» и до вас, и после не доводилось видеть. В московском «Гамлете» неожиданно (никто этим в театрах особо не интересовался) прозвучала тема заведомо несправедливой Эльсинорской земли. А у вас Фортинбрас в финале возвращался на «фамильную» территорию и блаженно вытягивался на стуле, как у себя дома. Я не переставала поражаться, как русские артисты с наслаждением присваивали себе вашу фирменную метафорическую театральность. Ладно бы Калягин или Райкин, которые сами по себе чертовски театральны! Но и все другие артисты «Сатирикона» и «Et Cetera» стали вашими до кончиков пальцев!

В памяти остаются яркие вспышки. Вот озорник Ариэль дарит старому Просперо коробочку. Тот жадно ее открывает и чихает от «выстрела» какого-то дурацкого порошка. Все розыгрыш, все тщета – не правда ли? Но какой это прекрасный розыгрыш, и как без него невыносимо скучно жить!

Вот чиновники города N собрались дать Хлестакову взятки. Как смело вы пожертвовали этой развернутой гоголевской сценой, в которой обычно артисты показывают весь смак и всю мощь своих комических дарований. Так нет же, у вас все они молча сложили купюры в саквояж, кто сколько смог. Этот высвеченный прожектором саквояж с мздой сказал о нынешних временах гораздо больше, чем многие громоздкие гоголевские спектакли. Ведь нынче уже и почву прощупывать не надо, нужно просто дать – так заведено, так заведомо установлено.

Дорогой батона Роберт! Однажды во время нашего с вами интервью у вас кончились сигареты «Кэмел», и

вы закурили мою дамскую пахитоску. «Это не сигареты, – сказали вы, медленно и обстоятельно затягиваясь, – это дым». Впрочем, без абсолютного чувства юмора, которое вам присуще, не было бы ваших, даже самых трагических спектаклей, не было бы и того, что стало славной театральной историей, и того, что насыщает современное пространство сцены.

Вот сохранить это уникальное чувство в нашей сумасшедшей действительности я вам и желаю более всего. И здоровья, конечно. Однако ведь юмор способствует здоровью, не правда ли? Любящая вас и ждущая новых ваших спектаклей.

ИРИНА ГОГОБЕРИДЗЕ

*Театровед,
председатель Международной ассоциации театральных критиков*

Роберт Стуруа... Имя, которое на моей памяти, как по волшебству, открывало двери всех театров и театральных сообществ в Европе и во всем мире. Человек, которому от Бога было дано очень много – ум, неординарно-парадоксальное мышление, часто не всеми понятая многослойность натуры, таланты умелого рисовальщика и музыканта, чувство юмора и великолепная интуиция, позволяющая предвосхищать события и чувствовать ритм социально-культурной жизни общества. И, конечно же, умение переводить на язык театра трагикомическую реальность и эфемерность человеческого бытия. Ко всему прочему, надо добавить феноменальное знание мировой культуры и, естественно, Театра.

Весь этот необычный меланж и создал тот удивительный, отличный от всех феномен, который уже с восьмидесятых годов XX века был признан театром Стуруа. Феномен, в котором гармонично сочеталось трагическое и комическое, политический фарс, мелодрама и ярмарочный бурлеск. При всем этом его творческая палитра никогда не казалась эклектичной, так как, подчиняя все идее и ритму спектакля, он с элегантною легкостью управлял мизансценой и своими актерами. Так были созданы вошедшие в историю мирового театра «Кавказский меловой круг» и шекспириана, спектакли, поставленные в тяжелые девяностые годы прошлого века и его последний брехтовский спектакль.

Такие, как он, не следуют за круговертью жизни. Они стоят особняком, создавая свой неповторимый мир. Общаться с такими людьми нелегко, но им прощаешь все, так как знаешь, что своим творчеством они олицетворяют и оставляют поколениям духовный знак эпохи. И что бы ни происходило и как бы на него ни роптали, взор и равнение все-таки идет на наш Театр Руставели и спектакли режиссера Роберта Стуруа.

С юбилеем вас, маэстро! Долгие лета!

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
Театральный критик

Дорогой Роберт, от всей души поздравляю вас с восьмидесятилетием! Как быстро летит время. Впервые ваши спектакли я увидела в середине 70-х. Кто мог подумать тогда, что те сценические новации станут открытием нового

направления режиссуры, школой для будущего поколения и постановщиков, и актеров. Вы были изобретателем не только нового сценического языка, но и проводником свободомыслия в годы жестких советских идеологических рамок и канонов. Помню, как я отправила свою очередную рецензию на ваш спектакль в московский журнал «Театр», где работали мои друзья и коллеги, с которыми мы учились в ГИТИСе. Вдруг раздается звонок из редакции: «Вера, вы что там в Грузии все с ума посходили?! Робик ставит, как хочет, а ты пишешь, что видишь!» Они вынуждены были отредактировать статью, и текст получился такой, что я извинялась перед вами за публикацию и оставила вам свой первоначальный рукописный экземпляр.

В ваших спектаклях и отдельные люди, и толпы были зеркалом времени: нищенское существование большинства, роскошь «избранных», бездушная машина власти и боги, не желающие вмешиваться в земные дела. Вы действительно создали собственный стиль режиссуры, вместе с композитором Гией Канчели и художником Гоги Алекси-Месхишвили изобрели новый язык театра. Вы были востребованы и за пределами Грузии. Помню ваши первые московские постановки: «Гамлет» в «Сатириконе» с Константином Райкиным в главной роли и «Шейлока» с Александром Калягиным в театре «Et Cetera», главным режиссером которого вы остаетесь по сей день наряду с родным тбилисским театром им. Руставели.

Мне остается только пожелать вам новых замыслов и их воплощения на сцене. А мы, зрители, будем ждать новых открытий.

ГЕОРГИЙ ГЕГЕЧКОРИ
Председатель Театрального общества Грузии

Поздравляю Роберта Стуруа и желаю ему долгих лет жизни и творчества. Это совершенно уникальный человек, многосторонне одаренный, глубоко образованный. Роберт Стуруа создал целую эпоху в театре. Хочу рассказать очень интересную историю, которую я услышал от своей матери – театроведа Нателы Урушадзе. Она была завлитом театра Руставели. Тогда спектакли принимала комиссия, представляющая партийные органы. У нас курировал культуру Дэви Стуруа.

В 1965 году Роберт Стуруа поставил в театре Руставели спектакль «Сейлемский процесс» по А. Миллеру. Это была совершенно потрясающая работа, шедевр! Я помню этот спектакль, хотя был маленький. В спектакле были заняты театральные звезды – Серго Закариадзе, Эдишер Магалашвили, Зинаида Кверенчиладзе, Гурам Сагарадзе, Иза Гигошвили. Когда в Тбилиси приехал Артур Миллер, Серго Закариадзе был на съемках, и мой отец, актер Гоги Гегечкори сыграл Денфорда. Драматург был в восторге, буквально кричал после спектакля: «Где этот мальчик, поставивший спектакль? Покажите мне его!»

Но это было потом. Судьба «Сейлемского процесса» могла сложиться совершенно иначе. Во время сдачи спектакля в первом ряду, как обычно, сидели члены комиссии, среди них был и поэт Ираклий Абашидзе. Было задумано, что в финале «закадровый» голос

Гурама Сагарадзе подводил своего рода резюме, рассказывал, что произошло в дальнейшем с героями спектакля. В самом конце звучала такая фраза: «В штате Массачусетс диктатура все равно дрогнула». После этого опускался противопожарный железный занавес – все это, конечно, воспринималось как прямая антисоветчина. Наступила пауза. Мама вспоминала, что с замиранием сердца слушала... молчание. С последнего ряда она видела напряженные спины членов комиссии и думала о том, кто может сейчас спасти этот спектакль. «Может быть, этот «хонский» что-нибудь придумает?» – мама имела в виду Ираклия Абашидзе, который был родом из Хони. И вдруг действительно встает Ираклий Абашидзе и говорит на русском языке: «Да, товарищи, я вас всех поздравляю – создан еще один гениальный антифашистский спектакль!» Дэви Стуруа буквально вылетел из кресла и подхватил сказанное: «Конечно же, это замечательный антифашистский спектакль!» Таким образом был спасен «Сейлемский процесс». Неизвестно, как обернулась бы судьба самого Роберта Стуруа, руководства театра. Хочу сегодня поблагодарить Ираклия Абашидзе – этого великого человека. Он был не просто замечательным поэтом, но – гражданином, который совершил много добрых государственно важных, общественно значимых дел. Этот случай – пример того, как талантливый человек может найти выход из безвыходного положения. Ираклий Абашидзе определил судьбу не только Роберта Стуруа, но и театра Руставели. Потому что Стуруа создал здесь в дальнейшем свой авторский театр. Борьба против власти, выражать свои взгляды с помощью искусства было в те годы единственным оружием – в спектаклях «Кваркваре Тутабери», «Ричард III» были очевидные элементы политики. Это было

очень важно и с точки зрения популярности театра. Зарубежные гастроли руставелевцев, принесшие им мировой успех, показали талант грузинского народа. По сути, театр Руставели распахнул для Грузии двери в мировое театральное сообщество. Это огромный вклад в мировую сокровищницу культуры. Это итог огромного усилия, большой творческой энергии. И по сей день театр Руставели – флагман!

Хочу пожелать Стуруа передавать свой опыт молодым. Есть очень талантливые молодые режиссеры, и хорошо было бы, чтобы Роберт пригласил их на постановку одного спектакля в театре Руставели. Желаю ему вырастить и подготовить достойную смену. Лучше, чтобы это сделал сам маэстро Стуруа...

НАТАЛЬЯ СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Театральный критик, журналы «Иные берега», «Страстной бульвар»

Трудно, почти невозможно представить себе, что у Роберта Стуруа столь солидный юбилей! По своей режиссерской изобретательности, по щедрости фантазии он остается молодым, невероятно одаренным человеком. Кто-то может возразить мне: а мудрость, которую дают только прожитые годы? Нет, порой она дается Богом с юных лет, если человек умеет глубоко задумываться, обладает незаурядным интеллектом, слышит, чувствует человеческую боль и страдания, как свои собственные. И все это становится своеобразной «подпиткой» таланта, погружая его

в глубины осмысления и сопереживания.

Еще в 70-х годах родилось понятие «Театр Роберта Стуруа», но уже в середине 60-х на сцене Театра им. Шота Руставели появился первый его спектакль – «Сейлемский процесс», едва ли не одна из самых сложных пьес Артура Миллера. Постановка привлекла серьезное внимание, однако до определения «Театр Роберта Стуруа» должны были пройти еще годы. Годы, что были отмечены блистательными спектаклями «Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе, «Ричард III» Шекспира, «Кавказский меловой круг» Б. Брехта.

Невозможно представить себе человека, который видел эти спектакли и не запомнил их на всю жизнь в подробностях большинства мизансцен, в пронзительности, в ощущении трагического карнавала! Они остались потрясением смелостью и одновременно точностью режиссерского прочтения, невымышленной болью, предельным отчаянием, изумительным актерским ансамблем.

Роберт Стуруа вставил в спектакль «Кваркваре Тутабери» сцену из брехтовской «Карьеры Артуро Уи», создав незабываемый образ-маску и, думается, именно с этого начался его углубленный интерес к творчеству Брехта, после «Кавказского мелового круга» приведший режиссера к заслуженной мировой славе.

А в 1987 году появился великий «Король Лир», в котором ощущение трагического карнавала доходило до апогея. Спустя еще 11 лет зовет подлинное потрясение «Гамлет», поставленный Стуруа в московском «Сатириконе» с Константином Райкиным в главной роли.

Режиссер любит ломать стереотипы восприятия – во многом это наполняет такие его спектакли, как «Послед-

няя запись Крэппа», «Буря», «Ревизор», неожиданностью, когда невозможно что бы то ни было предугадать и вычислить. Порой кажется, что Роберт Стура любит процесс игры, такой, как, например, «прятки» и «угадайка», вроде бы совсем не сложные, но такие увлекательные, требующие фантазии и азарта.

А это значит, что при всей своей мудрости он еще не расстался с порой наивного детства.

Человек удивительного обаяния, простоты в общении, обладающий юмором, иронией, самокритичностью, Роберт Стура не может не вызвать симпатии, приятия у всех, кто сталкивается с ним не только «по профессии», но и по жизни. Даже в самом коротком общении. И очень хочется от всего сердца пожелать ему сил, здоровья, энергии, солнечного и человеческого тепла!

ЛАНА ГАРОН

*Театральный критик,
заслуженный работник культуры
России*

Кажется, еще только вчера он стремительно ворвался в театральное пространство и поразил нас своими спектаклями, в которых было неожиданное единство: серьезное современное содержание и ярчайшая, часто парадоксальная, но совершенная художественная форма... «Кавказский меловой круг» на годы стал визитной карточкой не только Тбилисского театра Шота Руставели, но и всего советского театра.

Обновление сценического языка: «Ричард III», «Король Лир», «Музыка для живых»...

Творческое содружество с художником Гоги Месхишвили и композитором Гией Канчели.

И с Александром Калягиным, с его театром «Et Cetera», где в премьерном спектакле «Ревизор. Версия» режиссер вновь в неожиданной, парадоксальной манере заставляет смеяться, недоумевать и размышлять над загадками современной русской жизни.

Сегодня Роберт Стура – крупнейший в мире театральный режиссер. И есть понятие: «Театр Роберта Стура».

Как быстро летит время! Уважаемый Роберт Робертович! Поздравляю с днем рождения и сердечно благодарю вас за те прекрасные, волнующие и даже потрясающие, переживания, которые вы мне подарили своими спектаклями! Живите долго и радостно!

Генерал-адъютант, генерал от кавалерии Алексей Брусилов

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

В историю военного искусства все выдающиеся операции вошли под названиями тех мест, где прошли сражения. Их список похож на географический справочник: Канны, Трафальгар, Чесма, Аустерлиц, Ватерлоо, Эль-Аламейн, Сталинград, Курск... И лишь две из них называются по фамилиям спланировавших и осуществивших их людей – переход Суворова через Альпы и Брусиловский прорыв. Генералиссимус Суворов к Грузии никакого отношения не имеет, а вот генерал-адъютант Брусилов... Он родился в Грузии, провел здесь годы офицерского становления, ушел отсюда в свои первые сражения и вернулся сюда с первыми боевыми наградами. Из Грузии он отправился и в путь к всемирной воинской славе.

Когда в семье генерал-лейтенанта Алексея Николаевича Брусилова с интервалами в

два года родились трое сыновей, никто не сомневался в их ратном будущем. Прадед и дед мальчиков служили в чинах секунд-майора (четвертого должностного лица в полку). Отец – участник Бородинской битвы, председатель Полевого аудиториата (органа, надзирающего за военными судами) Отдельного Кавказского корпуса, а затем и всей Кавказской армии. Продолжая семейную традицию, средний сын Борис сражался на Русско-турецкой войне 1877-1878 годов и в Средней Азии, вышел в отставку в чине титулярного советника, был арестован большевиками, умер в Бутырской тюрьме. Младший сын Лев, ставший вице-адмиралом, в Русско-японской войне командовал крейсером «Громобой», сражавшимся рядом с легендарным «Варягом», возглавлял Главный морской штаб. Кстати, экспедиция его сына Георгия,

погибшего в 1914 году во льдах Арктики, стала для писателя Вениамина Каверина основой романа «Два капитана».

А первенец Алексей, крестник главнокомандующего и наместника царя на Кавказе генерал-фельдмаршала Александра Барятинского, стал кавалеристом. Его собственные комментарии помогут нам проследить жизненный путь этого воина. Ему всего шесть лет, когда на семью обрушиваются несчастья: сначала от крупозного воспаления легких умирает отец, а вскоре от чахотки – мать. Мальчиков берет к себе в Кутаиси сестра матери Генриетта фон Гагемейстер. У нее с мужем, военным инженером, не было детей. «Они оба заменили нам отца и мать в полном смысле этого слова. Дядя и тетка не жалели средств, чтобы нас воспитывать... Все приезжие артисты обязательно приглашались к нам, и у нас ча-

А. Брусилов - офицер драгунского полка

сто бывали музыкальные вечера. Да и вообще общество того времени на Кавказе отличалось множеством интересных людей, впоследствии прославившихся и в литературе, и в живописи, и в музыке. И все они бывали у нас. Но самым ярким впечатлением моей юности были, несомненно, рассказы о героях Кавказской войны. Многие из них в то время еще жили и бывали у моих родных. В довершение всего роскошная южная природа, горы, полутропический климат скрашивали наше детство и оставляли много неизгладимых впечатлений».

Счастливое кутаисское детство длится восемь лет, потом дядя отвозит Алешу в Петербург. В Пажеский корпус – одно из самых привилегированных учебных заведений, куда, по дворянской традиции, отец записал его еще в четырехлетнем возрасте. Мальчика определяют в четвертый класс. В увольнения он ходит к двоюродному брату своего дяди графу Юлию Стембоку, директору Департамента уделов Министерства императорского двора – учреждения, которое управляло имуществом императорской семьи. Должность весьма значительная, так что «видел я там по воскресным дням разных видных беллетристов: Григоровича, Достоевско-

го и многих других корифеев литературы и науки, которые не могли не запечатлеться в моей душе».

А что же с учебой? После первого курса воспитатель дает ему такую характеристику: «Характера резвого и даже шаловливого, но добр, прямодушен и чистосердечен. Способности хорошие, но любит лениться...». Сам Брусилов объясняет свою «лень» по-другому: «Те науки, которые мне нравились, я усваивал очень быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, я изучал неохотно и только-только подучивал, чтобы перейти в следующий класс – самолюбие не позволяло застрять на второй год». Такое отношение к учебе, все-таки, подводит его, и он остается на второй год в пятом классе, не выдержав переходной экзамен. Благодаря связям графа Стембока, удается не сидеть вновь в классе, а получить годовой отпуск, который проводится в Кутаиси. В усиленных занятиях с преподавателями, приглашенными дядей и тетей. В итоге он, «вернувшись в корпус через год, минуя шестой класс, выдержал экзамен прямо в специальный класс, где учиться было намного интереснее».

Специальными назывались два последних класса, и интерес Брусилова вполне понятен: «Преподавались военные науки, к которым я имел большую склонность. Пажи специальных классов помимо воскресенья отпускались два раза в неделю в отпуск. Они считались уже на действительной службе». Летом – участие в красносельских маневрах, а зимой – обучение у царских берейторов верховой езды на лошадях царской свиты в придворном манеже. Когда все это было пройдено, в июле 1872 года «всех выпускных пажей... между Красным и Царским Селом... и император Александр II поздравил нас с производством в офицеры».

Однако в войска Брусилов отправляется не гвардии поручиком, а кавалерийским прапорщиком – ему не забывают годичный перерыв в учебе. Тем не менее, место службы опре-

деляет он сам: ««Пажи имели в то время право выбирать полк, в котором хотели служить, и мой выбор пал на Тверской полк вследствие того, что дядя и тетя рекомендовали мне именно этот полк, так как он ближе всех стоял к месту их жительства. В гвардию я не стремился выходить вследствие недостатка средств». Остается лишь уточнить: 15-й Тверской драгунский полк располагался в Кахети, в местечке Царские Колодцы, ныне – Дедоплисцкаро, а оттуда перемещался в лагерь под Тифлисом. Брусилов признается: «Вернувшись опять на Кавказ уже молодым офицером, я был в упоении от своего звания и сообразно с этим делал много глупостей... Весь полк в то время считался забубенным. Выпивали очень много, при каждом удобном и неудобном случае. Большинство офицеров были холостяки; насколько помню, семейных было три-четыре человека во всем полку. К ним мы относились с презрением и юным задором».

В общем, господа драгуны, что называется, гусарили. «Мы не блистали ни военными знаниями, ни любовью к чтению, самообразованием не занимались, и исключений среди нас в этом отношении было немного. Хотя Кавказская война привлекла на Кавказ немало людей с большим образованием и талантами... В то время в Тифлисе был очень недурной театр, было много концертов и всякой музыки, общество отличалось своим блестящим составом, так что мне, молодому офицеру, было широкое поле деятельности. Таких же сорванцов, как я (мне было всего 18 лет), там было несколько десятков». Ну, а какое же гусарство без дуэлей! И в послужном списке прапорщика Брусилова появляется запись о том, что «за принятие на себя обязанности быть посредником поединка, окончившегося смертью одного из противников», он «приговорен к содержанию под арестом на тифлисской гауптвахте сроком на четыре месяца».

Но сколь интересна приписка: «Наказание это не может считаться препятствием к награ-

Знак об окончании Офицерской кавалерийской школы

дам и преимуществам по службе». Да еще потом «отсидка» сокращается вдвое. И Алексей дает этому такое объяснение: «Конечно, это был дух того времени, и не только на Кавказе, и не только среди военной молодежи. Времена Марлинского, Пушкина, Лермонтова были от нас еще сравнительно не так далеки, и поединки, смывавшие кровью обиды и оскорбления, защищавшие якобы честь человека, одобрялись людьми высокого ума». Так что ни кутежи, ни волокитство за дамами, ни арест не сказываются на служебной карьере: за неполные три года службы в полку – звание поручика и должность полкового адъютанта. А потом начинается Русско-турецкая война 1877-1878 годов.

Брусилов проявляет себя уже в первом бою, во главе отряда драгун, захватив вражеские казармы и командира пограничной бригады. Он отличается при взятии крепостей Ардаган и Карс, в одном из сражений под ним убивают лошадь... Войну 25-летний офицер заканчивает с большим боевым опытом, штабс-капитаном, с тремя орденами. А мирные будни его уже тяготят: «В сентябре 1879 года мы вернулись через Тифлис в Царские Колодцы, где и заняли свои прежние казармы. Мне надоело все одно и то же, и после войны начинать опять старую полковую жизнь я находил чрезмерно скучным... Заведуя полковой учебной командой был представлен в производство в чин ротмистра. До 1881 года я продолжал тянуть лямку в полку, жизнь которого в мирное время с ее повседневными сплетнями и дразнами, конечно, была мало интересна».

Он решает перевестись в другую часть, в Кутаис, чтобы быть поближе к родственникам. Но и

дядя, и полковой командир советуют поступить в петербургскую Офицерскую кавалерийскую школу «Я принял это предложение, предполагая, что после этого вернусь в свой полк. Но вышло так, что я остался в Петербурге, так как в 1883 году мне было предложено зачислиться в конно-гренадерский полк и оставаться в постоянном (преподавательском. – В.Г.) составе Офицерской кавалерийской школы. Вследствие этого силою судеб я остался в Петербурге». Так Брусилов навсегда расстается с Грузией. Однако не только сохраняет самые теплые воспоминания, но и поддерживает, можно сказать, виртуальную связь – два раза женится на женщинах, родившихся в этой стране.

В постоянном составе Офицерской кавалерийской школы он проводит почти четверть века – 23 года, пройдя путь от ротмистра до генерал-майора, от начальника офицерского отдела (факультета) до начальника этой школы. А его заслуги в подготовке кавалеристов отмечаются множеством наград. Среди них – четыре российских ордена, по два французских и болгарских, прусский, итальянский, бухарский и персидский. Такие награды в мирное время случайно не даются – Алексей Алексеевич впервые в России разработал крайне жесткие, но дающие прекрасный результат методы обучения. Они нравились далеко не всем.

Автор знаменитой книги «Пятьдесят лет в строю» граф Алексей Игнатьев, обучавшийся у Брусилова, вспоминает, что школа «коренным образом преобразована и успела уже заслужить репутацию малоприятного учреждения... Двухлетний курс школы проходило около ста офицеров

Капитан А. Брусилов. 1882

Надежда Желиховская

кавалерийских полков... командировались, кроме того, ежегодно все кандидаты на получение командования полком. Стонали бедные кавалерийские полковники, вынужденные скакать... верст десять-двенадцать по пересеченной местности, многие уходили в отставку, не перенеся этого испытания». При этом он признает: «Суровые требования кавалерийской школы сыграли полезную роль. Постепенно среди кавалерийских начальников становилось все больше настоящих кавалеристов и все меньше людей, склонных к покою и к ожирению». А это – слова первого президента Финляндии Карла Маннергейма, служившего в школе под началом Брусилова: «Он был внимательным, строгим, требовательным к подчиненным руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя интересными».

Именно в этот период Брусилов женится – на племяннице его дяди Анне фон Гагемейстер. «Этот брак был устроен согласно желанию моего дяди, ввиду общих семейных интересов. Но, несмотря на это, я был очень счастлив, любил свою жену горячо». Однако Анна Николаевна часто болеет, дважды рождает мертвых детей. Муж вывозит ее на различные курорты, и в 1887-м у них рождается сын, в честь отца названный Алексеем. Через 11 лет Анна Николаевна умирает, и мальчиком занимается только воспитательница. «Любил я его горячо, но отцом был весьма посредственным. Окунувшись с головой в интересы чисто служебные, я не сумел приблизить его к себе, не умел руководить им. Считаю, что это большой грех на моей душе».

В 1906-м Брусилову предоставляется возможность проявить свои знания и навыки уже непосредственно в войсках: он командует лучшей в Императорской армии 2-й гвардейской кавалерийской дивизией, а потом – 14-м армейским корпусом, штаб которого находится в Люблине. И

именно в этом городе происходит эпизод, который многое говорит об Алексее Алексеевиче. У входа в городской сад он видит объявление: «Нижним чинам и собакам вход воспрещен». Тут же он издает приказ, запрещающий всем генералам и офицерам тоже входить в этот сад, и информирует командующего войсками округа, который является и генерал-губернатором края. Тот отменяет приказ городских властей и лично приезжает к Брусилову, чтобы извиниться.

По признанию генерала, в Люблине у него «вообще все было ладно, кроме одного – отсутствовала хозяйка». И 57-летний вдовец снова женится – на 45-летней Надежде Желиховской, хорошо ему знакомой по Тифлису и Петербургу. Она родственница выдающегося государственного деятеля Сергея Вите и знаменитой спиритуалистки Елены Блаватской, детство которых тоже прошло в Грузии. Вторая жена генерала «вскоре завоевала все симпатии в городе и в войсках». И даже не хотела переезжать в шумную Варшаву, куда ее мужа назначили помощником командующего войсками Варшавского военного округа. А война была уже у порога. Летом 1914-го Брусиловы отдыхают в Германии, и в парке города Киссингена их потрясает зловещее зрелище. Декорации московского Кремля торжественно сжигаются имитацией пушечной

Супруги Брусиловы в Киссингене (Германия). 1914

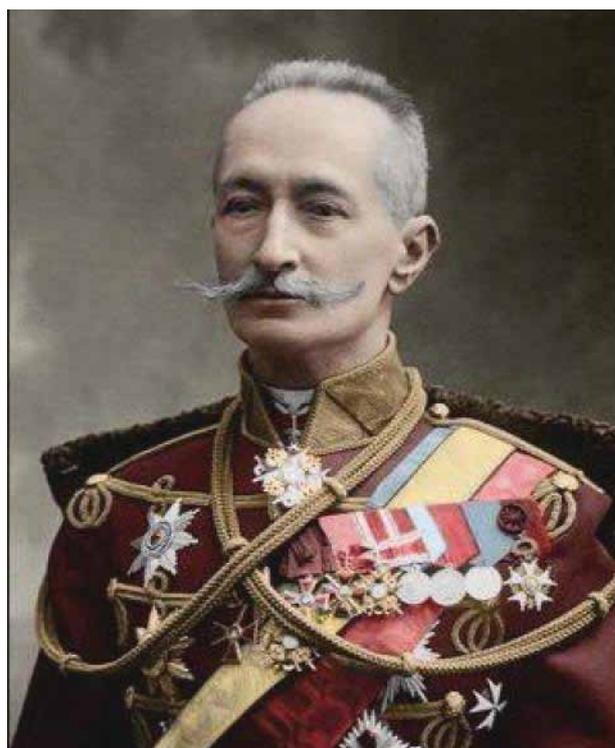

Рядом с Николаем II в Ставке Верховного Главнокомандующего

стрельбы, а «немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда... при падении последней стены над пеллом наших дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремел немецкий национальный гимн».

Когда разгорается настоящий пожар Мировой войны, Брусилов командует уже 8-й армией Юго-Западного фронта. Ее войска впервые выигрывают большую битву с австрийцами, пересекают границу с Австро-Венгрией и вступают в Галицию. Но слава и ордена более высоких степеней достаются другому генералу. Почему? Многие объясняют приезд в войска самого Николая II. В столовой царь заявляет, что в память обеда в брусиловской армии он дает ее главнокомандующему звание своего генерал-адъютанта. «Я этого отличия не ожидал, так как царь относился ко мне всегда, как мне казалось, с некоторой недоброжелательностью, которую я объяснял тем обстоятельством, что, не будучи человеком придворным и не стремясь к сему, я ни в ком не заискивал и неизменно говорил царю то, что думал, не приукрашивая своих мыслей. Заметно было, что это раздражало царя. Как бы то ни было, это пожалование меня несколько обидело, потому что из высочайших уст было сказано, что я жалуюсь в звание генерал-адъютанта не за боевые действия, а за высочайшее посещение и обед в штабе вверенной мне армии».

Нелюбовь императора сказывается даже после легендарной операции под Луцком летом 1916 года, увековечившей фамилию Брусилова в мировой военной истории. Это была неизвестная ранее форма прорыва позиционного фронта одновременным наступлением всех армий – чтобы нельзя было определить направление главного удара. А

Командующий войсками Юго-Западного фронта А. Брусилов

удар этот был неожиданно нанесен одной из армий под массированные артиллерийские обстрелы, которые временно прекращались, выманивая противника из укреплений и громя его. В результате мощного прорыва фронта австро-венгерские войска были разгромлены и начали беспорядочное отступление. Они потеряли около 1,5 миллиона человек убитыми, ранеными и пленными, более 2.200 орудий, минометов и пулеметов. Австро-Венгрия

Брусилловский прорыв

оказывается на грани полного поражения, для ее спасения Германия снимает с французского и итальянского фронтов 34 дивизии, а стратегическая инициатива до конца войны переходит к Антанте. Георгиевская дума при Ставке Верховного главнокомандующего представляет командующего войсками Юго-Западного фронта Алексея Брусилова к награждению орденом Святого Георгия 2-й степени. Но Николай II не утверждает это и ограничивается Георгиевским оружием с бриллиантами.

А теперь еще немного о том, что происходило не на полях сражений. Как командующий Юго-Западным фронтом, Брусиллов утверждает решения военно-полевого суда, который весьма суров ко всем преступлениям в прифронтовой полосе. Генерал дважды отменяет смертные приговоры – один за разбой и убийство, второй за антивоенную агитацию. Первый помилованный ни кто иной, как Григорий Котовский, на всю жизнь сохранивший признательность генералу. А о втором речь пойдет чуть ниже...

Брусиллов очень переживает за разложение войск после отречения царя и присягает Временному правительству «для сохранения армии в полном порядке и боеспособности». Он даже назначается Верховным главнокомандующим, но через два месяца уходит в отставку и летом 1917-го приезжает в Москву. В политику не вмешивается, отвергает предложение возглавить антибольшевистское сопротивление, но революция настаивает в собственном доме – осколки попавшего туда снаряда перебивают ногу в нескольких местах. Ему предлагают эмигрировать, но он отказывается: «Скитаться за границей в роли эмигранта не считал и не считая для себя возможным и достойным».

А потом его арестовывают вместе с братом Борисом и сыном Алексеем. Чекисты перехватывают письмо британского разведчика Брюса Локкарта о планах сделать Брусилова белым вождем. И генерал несколько месяцев проводит на гауптвахте Кремля, откуда выходит под домашний арест после письма Феликсу Дзержинскому. Это – самое

страшное время для его семьи: голод, холод, никаких доходов. Спасают бывшие сослуживцы – георгиевские кавалеры: приносят продукты, кто какие может. А в его квартиру поделяют «...какого-то комиссара с нелегальной супругой и его матерью... Грубый, наглый, пьяный человек, с физиономией в рубцах и шрамах. Он говорил, что был приговорен к смертной казни за пропаганду среди солдат Юго-Западного фронта в 1915 году, а я отменил смертную казнь и заменил ее каторгой. Теперь он, конечно, большая персона, вхож к Ленину и т. п. Вот уж можно сказать, что отменил ему смертную казнь себе на голову. Пьянство, кутежи, воровство, драки, руготня, чего только не поднялось у нас в квартире, до сих пор чистой и приличной. Он уезжал на несколько дней и возвращался с мешками провизии, вин, фруктов. Мы буквально голодали, а у них белая мука, масло, все, что угодно, бывало». В тюрьме умирает брат Борис, белые расстреливают сына, ушедшего в Красную Армию...

А в 1920-м начинается Советско-польская война, и генерал считает возможным вернуться на службу – речь идет о защите Родины. Он принимает предложение возглавить Особое совещание при Главнокомандующем всеми Вооруженными силами Советской республики Сергея Каменева, в которое вошли бывшие генералы. Но «никаких плодотворных результатов эти заседания не дали... эта инсценировка со стороны правительства была шита белыми нитками». А потом он подписывает воззвание к офицерам армии барона Врангеля – ему обещают, что добровольно сдавшихся не тронут. Тысячи врангелевцев верят авторитету Брусилова, сдаются и погибают без суда и следствия. «В первый раз в жизни столкнулся с такой изуверской подлостью и хитростью и попал в невыносимо тяжелое положение, такое тяжелое, что, право, всем

С сыном Алексеем (стоит справа)

Алексей Брусилов в годы советской власти

тем, кто был попросту расстрелян, несравненно было легче. Если бы я не был глубоко верующим человеком, я бы покончил самоубийством. Но вера моя в том, что человек обязан предвидеть все последствия своих вольных и невольных грехов, не допустила меня до этого».

А для выживания нет иного пути, как делать то, что он умеет лучше всего. И он работает в организациях, занимающихся коневодством, читает лекции кавалеристам. «Это, в сущности, был необходимый заработок для семьи. Была такая дороговизна, что не хватало никаких денег. Гонорар за лекции был пустячный, но лишний паек и дрова были важны». В 1924-м он уходит в отставку и, дав честное слово вернуться, уезжает с женой и ее сестрой на лечение в Карловы Вары. В Чехословакии, которая образовалась после развала Австро-Венгерской империи, хорошо помнят, что к этому развалу причастен и русский генерал. Поэтому Брусиловы окружены почетом, их принимают председатель правительства Эдвард Бенеш и президент Томаш Масарик. Сдержав слово, Алексей Алексеевич возвращается в Москву. Но здоровье его все слабее и слабее. После простуды начинается воспаление легких. Лекарства достать невозможно, организм ослаблен недоеданием, холодом... Брусилова не стало в марте 1926-го. Благодаря стараниям жены, его хоронят с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище, в присутствии советской военной верхушки. И — уникальный для СССР случай: рядом с красными лентами на могилу ложатся и георгиевские ленты. От соратников по сражениям.

В Советском Союзе опубликована лишь первая часть мемуаров Брусилова, конечно, отредактиро-

ванная цензурой. Но его жена издала за границей и вторую часть, полную весьма нелестных высказываний о большевиках. Советская историография, естественно, объявила ее фальшивкой... Ну, а мы прочтем в мемуарах генерала еще лишь один отрывок. О счастливой тифлисской молодости:

«В лагере жили в палатках, и каждый день к вечеру все, кроме дежурного по полку, уезжали в город. Больше всего нас привлекала оперетка, во главе которой стоял Сергей Александрович Пальм (сын известного беллетриста 70-х годов Александра Ивановича Пальма); в состав труппы входили артисты: Арбенин, Колосова, Яблочкина, Кольцова, Вольтинская и много других талантливых певцов и певиц. Даже такие великие артисты, как О. А. Правдин, начинали свою артистическую карьеру в этой оперетке. Кончали мы вечер, обычно направляясь

Могила генерала на Новодевичьем кладбище

целой гурьбой в ресторан гостиницы «Европа», где и веселились до рассвета. А. И. Сумбатов-Южин, тогда студент, начинавший писать стихи и пьесы, участвовал в ужинах, дававшихся артистам. Иногда приходилось, явившись в лагерь, немедленно садиться на лошадь, чтобы отправиться на учение. Бывали у нас фестивали и в лагере, они часто кончались дуэлями, ибо горячая кровь южан заражала и нас, русских».

Этой «зараженности» тифлисецу Алексею Брусилову хватило на всю жизнь.

Никто не забыт...

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

О Великой Отечественной войне сказано много. Но на сегодняшний день одних только слов недостаточно, чтобы молодежь помнила, кого должна благодарить за мирное небо над головой. К сожалению, в учебниках истории эта тема дается скудно, учащиеся не знают, сколько людей не вернулось с фронта, пропало без вести, какой ценой заплатили наши бабушки и дедушки за мир.

Остались захоронения погибших. Крупнейшим воинским захоронением на территории Тбилиси является кладбище-памятник на горе Кукия. Здесь в годы Великой Отечественной войны похоронены до пяти тысяч солдат и моряков Крымского, Северо-Кавказского фронтов и Черноморского флота, умерших от ран в местных госпиталях.

В десятках госпиталей Грузии в 1940-е годы лечили раненых солдат и матросов. Тех, кого не удавалось спасти, хоронили в братских могилах.

Артиллерийская самоходка, установленная в центре мемориала на постаменте, стала памятником защитникам Отечества. Но, к нашему стыду, сам комплекс в запустении. Могилы зарастают бурьяном и чертополохом.

В июне на странице «Русского клуба» в фейсбуке мы призвали наших друзей подняться на Кукия и совместными усилиями почистить могилы. 10 июня на наш призыв откликнулись волонтеры и юные актеры театра-студии «Золотое крыльцо» под руководством заслуженной артистки Грузии Ирины Квицинадзе.

Акция, организованная МКПС «Русский клуб» при финансовой поддержке АНОКПЦ «Люди», позволила очистить территорию от мусора, удалить бурьян и привести в порядок дорожки. Осенью планируем еще раз подняться на мемориальное кладбище и вновь навести порядок.

Присоединяйтесь к нам!

БАГДАТСКИЕ НЕБЕСА ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

«Маяковский, здравствуй! Мы рады с тобой увидеться у тебя в доме». Группа туристов-уральцев. 16 июля 1964 г. «Надо додраться со всеми, с кем не додрался он». Евгений Евтушенко. 2 октября 1966 г. Эти две записи – из книги посетителей Дома-музея в райцентре Маяковски, так именовалось в советское время село Багдати, где родился и провел детство самый великий поэт советской эпохи. Музей, открытый в 1940 году, посетили сотни тысяч человек. Теперь Багдати вернули историческое название, и здесь по-прежнему бережно хранят память о прославленном земляке.

Маяковский утверждал: «Я – дедом казак, другим – сечевик,

а по рождению грузин». В своей лаконичной автобиографии «Я сам» сообщает, что «родился 7 июля 1894 года (или 93 года – мнения мамы и послужного списка отца расходятся)», в день рождения отца Владимира Константиновича, багдатского лесничего. Мать – Александра Алексеевна. Старшие сестры – Люда и Оля. Уточняет: «Других Маяковских, по-видимому, не имеется». В главке под заголовком «Корни романтизма» написал: «Первый дом, вспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхний – наш. Нижний – винный заводик. Раз в году – арбы винограда. Давили. Я ел. Они пили. Все это территория стариннейшей грузинской крепости под

Багдатами. Крепость очетыреугольнивается крепостным валом. В углах валов – накаты для пушек. В валах бойницы. За валами рвы. За рвами леса и шакалы. Над лесами горы. Подрос. Бегал на самую высокую...».

Родился поэт в деревянном доме Константина Кучухидзе, где семья Маяковских снимала три комнаты. Дом стоял на окраине одного из самых живописных сел Верхней Имерети – Багдати. Рядом с Домом-музеем построено здание, в котором расположен мемориальный литературный зал Маяковского, с богатым собранием изданий поэта и книг, посвященных его творчеству. Во время смены политических формаций было не до экскурсий, прервалась традиция собираться в Багдати на поэтические форумы. Но пусть сюда в гости приходили только одиночки-энтузиасты, годы перелома, лишившие дом-музей внимания, сыграли и положительную роль, очистив имя Маяковского от советских ярлыков. Ситуация изменилась в год празднования 115-летия Маяковского, когда по инициативе Международного Союза «Русский клуб» была возобновлена традиция проведения в Багдати международных поэтических фестивалей. Тогда же перед властями Грузии был поставлен вопрос о том, что музей необходимо привести в порядок. Правительство отмолчалось, но на помощь пришел фонд «Карту», и на выделенные им средства были решены технические вопросы – основание фундамента дома залили бетоном, деревянные конструкции укрепили специальным составом. Покрасили стены, вставили стекла в витринах и стендах, установили осветительные приборы, благоустроили территорию двора. А также привели в порядок могилу отца Маяковского и его трехлетнего брата Константина на кутаисском кладбище.

К счастью, дом сохранился в своем первоначальном виде, что касается экспозиции, то она по-прежнему представляет собой традиционный образец домов-музеев советской эпохи. Однако окружающая природа и витающий в воздухе дух бродящего вина смягчают здесь наличие официоза. Необходимую толику

Дом-музей В. Маяковского в Багдати

тепла придает музею непримечательная обстановка жилых комнат – кабинета отца, столовой, спальни, воссозданных в 1940 году не посторонними людьми, а любящими руками матери Маяковского Александры Алексеевны и сестрами Людмилой и Ольгой. Многие предметы, находящиеся в Доме-музее, были подарены членами семьи. Это личные вещи отца: очки, дорожный стакан, кортик, медаль за участие в переписи населения 1897 года. Мать и сестры также передали в музей свою библиотеку, предметы мебели, посуду, керосиновую лампу, настольные игры, настенные часы, копилки-кубышки и другие мелочи домашнего обихода.

При создании экспозиции некоторые предметы домашней утвари семьи Маяковских были выкуплены государством у наследников дома – Кучухидзе, которые и сегодня являются хранителями музея. Почти полвека музей возглавлял Николай Кучухидзе, внук бывшего владельца дома. Теперь должность смотрителя музея перешла к его сыну – Беке Кучухидзе. В доме-музее представлены разно-

образные фото, прижизненные издания Маяковского, а также книги, изданные в разные годы и на языках народов мира, мемуарная литература, поэтические посвящения и пр.

Не нужно особой фантазии – все и так зримо – чтобы представить, как жила здесь семья Маяковских. «Ранняя весна. Тепло. Цветут фиалки и розы. Фруктовые деревья покрываются белыми и розовыми цветами. В семь часов на балконе пили чай, и у взрослых начиналась трудовая жизнь. А Оля и Володя придумывали какие-нибудь развлечения, или уходили к речке», – пишет в своих воспоминаниях о жизни в Багдати Александра Алексеевна.

Из записей матери и сестер следует, что Володя любил поездки на лошадях в дальние уголки ущелья. Пробуя, как звучит его голос, залезал внутрь большого винного кувшина и оттуда выкрикивал стихи. Окрестные крестьяне почтительно относились к лесничему, который никогда не наказывал бедняков, пойманных на рубке леса. Детей Маяковского одаривали фруктами, одобрительно отмечали,

что русские дети чисто говорят по-грузински. В семь лет Володя увлекся чтением. Первая книга – «Птичница Агафья» разочаровала. На счастье второй книгой, попавшей в руки, оказался «Дон Кихот». Смастерил меч и латы – «разил окружающее». Когда пришла пора поступать в гимназию, мать переехала с детьми в Кутаиси. Экзамены Володя выдержал успешно, вышел только один конфуз, когда, отвечая на вопрос священника, что такое «око», Володя, сделав перевод с бытового грузинского, ответил: «Три фунта». «Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу – все древнее, все церковное и все славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм», – пишет поэт в автобиографии.

Наступил 1905 год, Кутаиси бурлил революционными страстями, в которых активно участвовали гимназисты. Володя верховодил сверстниками, его называли «Маяк», он распевал на улицах «Варшавянку», при разгоне демонстрации получил казачьей нагайкой по спине.

Детство оборвалось внезап-

но. «Умер отец. Уколот палец (сшивал бумаги). Заражение крови. С тех пор терпеть не могу булавок. Благополучие кончилось. После похорон отца – у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву»...

Началась новая полоса жизни в столице в постоянной борьбе с нуждой, с революционными приключениями, арестом – одиннадцать месяцев юноша просидел в одиночке в Бутырках, читая в камере запоем классику. Оказавшись на воле, понял, чтобы «делать социалистическое искусство», надо учиться. Поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, где подружился с Давидом Бурлюком, который объявил стихи товарища гениальными. Парни написали манифест «Пощечина общественному вкусу» и ринулись покорять провинцию. Турне по городам сопровождалось скандалами. В марте 1914 Маяковский, Бурлюк и Каменский прибыли в Грузию – Володя сказал, что знает, «где любят поэзию и умеют встречать гостей». В номере от 27 марта 1914 года в газете «Тифлиссский листок» была напечатана заметка о том, что толпа сопровождала на Головинском проспекте (ныне – проспект Руставели) трех субъектов в странном одеянии. Бурлюк вышагивал в малиновом сюртуке, Василий Каменский – в черном бархатном плаще с серебряными позументами, а Маяковский в легендарной желтой блузе и в фетровой широкополой шляпе. Заинтриговав публику, футуристы собрали в театре полный зал. Однако Маяковский громовым голосом объявил: «Вы пришли сюда ради скандала. Предупреждаю, скандала не будет!». Вот воспоминания одного из зрителей: «Он не искал слов и не спотыкался о фразы. Когда речь доходила до стихов, в зале становилось совершенно беззвучно». Маяковский не мог уехать из Грузии, не навестив родных мест. «Всюду на улицах Володя встречал молодых людей, друзей детства, обнимался, целовался с ними, говорил по-грузински и острил так, что вокруг грохотал звучный смех», – писал об их совместной поездке в Кутаиси Василий Каменский.

В двадцатые годы Маяковский трижды приезжал в Гру-

зию – в 1924 году на стыке лета и осени. В феврале 1926 года и в последний раз – в декабре 1927 года. Посещения Маяковским Тбилиси можно было бы назвать одной из самых ярких страниц русско-грузинских литературных взаимосвязей, если бы не одно существенное обстоятельство – Маяковского в Грузии воспринимали не как высокого гостя, а как своего. Знаменитый поэт Симон Чиковани в своих мемуарах отмечает: «Он, действительно, настолько своим чувствовал себя в Грузии, настолько своей ощущал, мыслил ее, что имел право говорить и писать безо всяких оговорок обо всем и так, как он считал нужным, с полной уверенностью, что его поймут, как надо».

В Тбилиси Маяковский постоянно был окружен товарищами по цеху, большой ватагой поэты посещали издательства и книжные магазины, подолгу засиживались в трактирах и в гостеприимных домах, например, у художника Кирилла Зданевича, открывшего миру вместе с братом Ильей картины Пиросмани, играли в бильярд. При этом круговороте удовольствий Маяковский умудрялся работать – он выступает на поэтических вечерах, знакомится с переводами своих стихов, поражая друзей тонким восприятием грузинского стихосложения. Хрестоматийной стала строка из стихотворения «Владикавказ – Тифлис»: «Только/ нога/ вступила в Кавказ./ я вспомнил./ что я –/грузин». Вот как было написано само стихотворение, содержащее вкрапление строк на грузинском языке. Новость, что приехал Владимир Владимирович, мгновенно облетела город. Несколько поэтов поспешили к нему в гостиницу «Ориант». Маяковский встретил их очень любезно, но беседуя, продолжил раскладывать на подоконнике и комодке папиросные коробки, бумажные салфетки, обрывки газет, журналов. «Простите меня, – пояснил поэт, – если я сейчас не перепису стихотворение, потом не смогу разобраться в этих вещах, или потерю какую-нибудь строку». Затем аккуратно перенес на бумагу новый стих.

Он внешне мало напоминал некогда эпатажного футуриста. Теперь это – безукоризненно одетый, элегантный господин в

неизменно белоснежной сорочке, покоряющий окружающих обаянием, юмором, доброжелательностью. Отмечают, что он умеет наслаждаться прекрасным вином, но пьет и ест очень мало и сдержанно.

Во время визита в 1924 году Маяковский вел переговоры с режиссером-новатором Котэ Марджанишвили о постановке пьесы «Мистерия-буфф» в театре им. Руставели. Марджанишвили задумал поставить пьесу не на сцене, а на природе, и, чтобы найти подходящее место, облетел на четырехместном открытом «Юнкерсе» окрестности Тбилиси, после чего решил, что действие развернется у подножия горы Мтацминда. Маяковский воспринял подобный размах с энтузиазмом. За перевод пьесы взялся Паоло Иашвили. Художник Ираклий Гамрекели принялся за эскизы декораций, работал с увлечением, но сцена ада никак ему не давалась. Тогда Маяковский посоветовал: «Да ведь там же примус, огромный горящий примус и сковородка, а на ней будет развешиваться действие...». Пьеса, к сожалению, поставлена не была, но вот что интересно, именно примус в руках Бегемота сыграл первостепенную роль при поджоге «нехорошей квартиры» в романе Булгакова.

Каждый приезд самого знаменитого советского поэта в Тбилиси становился праздником. Гордость грузинской культуры – поэты из объединения «Голубые роги», лэфовцы, художники, режиссеры собирались обычно в ресторане «Симпатия». За обильным столом начинались бесконечные беседы о поэзии, поэтические турниры, первенство в них оставалось за Маяковским, который читал своим неповторимым голосом великое множество стихов российских и грузинских поэтов. Между тостами Маяковский говорил о стихосложении, о значимости авторского чтения, доказывал, что стихи должны быть понятны широкой аудитории. Участники этих пиров понимали друг друга с полуслова: достаточно сказать, что Маяковский, Паоло Иашвили, Тициан Табидзе, Симон Чиковани в разные годы учились в одной гимназии в Кутаиси.

Стены духана «Симпатия»

Возложение цветов к памятнику В. Маяковского в Кутаиси

были увешаны изображениями великих классиков. В очередной приезд Маяковского спросили, помнит ли он хозяина ресторана? «Я скорее забуду Шекспира, Гете, чем Аветика», – смеясь, ответил Маяковский, а потом шутил, что ради ресторатора продал мировую литературу.

В 1928 году Маяковский с большим успехом выступил в театре имени Руставели с докладом «Мое открытие Америки» и чтением стихов. Но на следующий день в газете «Заря Востока» появилась рецензия с критикой в адрес поэта, сильно огорчившая Маяковского. Он понял, что начавшаяся в Москве травля докатилась до берегов Куры. Однако на следующем вечере поэзии Владимира Владимировича приветствовали бурными аплодисментами, а поднявшийся на сцену Паоло Иашвили заявил, что рецензия должна остаться на совести автора, грузинские писатели считают Маяковского «величайшим поэтом, а его поэзию блистательнейшим явлением культуры». Этот вечер, завершившийся дружеским застольем, на котором тамадой была избрана легендарная красавица Нато Вачнадзе, остался в памяти поэтов, как символ нерушимого единения творческих людей. Они не скупались обласкать друг друга словами любви и признания.

Они спешили, понимая, что «век-волкодав» готов вцепиться им в горло. Действительно, Тициан Табидзе был расстрелян. Паоло Иашвили, Галактион Табидзе, Валериан Гаприндашвили свели счеты с жизнью. Нато Вачнадзе погибла в авиакатастрофе. Но первым из них ушел воспевавший «весну человечества» Маяковский.

Нато Вачнадзе и ее муж кинорежиссер Николай Шенгелая, возможно, последними общались с поэтом накануне рокового выстрела. Друзья пытались утешить Маяковского после сорванного открытия выставки в честь 20-летия его деятельности. Актриса оставила воспоминания о тех трагических апрельских днях 1930 года. Она пишет о том, как «сурово и торжественно» прочитал Маяковский свою гениальную поэму «Во весь голос» на открытии выставки. Как пророческие строки «тризной» прозвучали в пустом зале. 13 числа Нато с мужем встретились с поэтом: «... Могла ли я думать тогда, что Маяковского на другой день не будет в живых? Маяковский и смерть – разве можно себе это представить? 14 апреля я вышла по делу из дома и, вернувшись, застала у себя в комнате Довженко, Солнцева и Шенгелая. По их лицам я поняла, что случилось что-то страшное, непоправимое»...

Грузия простилась с Маяковским, как с любимым сыном. На родине умом и сердцем сразу поняли масштаб и последствия этой утраты. Но это случилось через два года, а пока, в 1928-м, они вместе – поднимают стаканы с вином, поют, смеются острым репликам. Маяковский читает стихи, может быть, декламирует «Тамару и Демона», стихотворение, пронизанное иронией и космическим размахом. Балагурит и сокрушается, что променял Кавказ на жизнь в столице, влюбляет в себя царицу, зазывает в гости Лермонтова: «Люблю гостей, / Бутылку вина /– налей гусару, / Тамарочка!». Как по-грузински звучат эти строки, с виртуозным мастерством написанные порусски. Какой россыпью поэтических алмазов сверкает каждая строка, словно омытая струей горной реки.

О родине он писал: «Я в долгу перед вами, багдатские небеса!». А грузинские собраты по перу утверждали: «Ты – не в долгу!». И древние дубравы Аджаметского леса, окружившие его отчий дом, и говорливые воды Ханисцкали, и узкие улочки Кутаиси, и переполненные театры Тбилиси, и горы Имерети, и купола Гелати отражали хор их голосов мощным эхом, дарящим поэту бессмертие.

Валентин Гафт

О, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ГАФТ!

■ **Нина ШАДУРИ**

Тбилиси гудел. Все ждали приезда театра «Современник». Все ждали Валентина Гафта. Он должен был выйти на сцену в спектакле «Вишневый сад» в роли Фирса. Приедет или нет? Пошла волна разговоров, что артист неважно себя чувствует, и Фирса в его исполнении нам не видать. Скорее всего, не приедет... И вдруг – как гром среди ясного неба – Гафт едет! Более того – возможно, даст творческий вечер. И опять разговоры – будет вечер или нет? Как это вообще возможно, ведь он нездоров? Знаете, дорогой читатель, в этой ситуации как нельзя лучше высказалась мама автора этих строк. Простите, что цитата «по знакомству», но она точнее всего характеризует то, как к Гафту относятся в Тбилиси: «Только бы приехал. Только бы вышел на сцену. А там – пусть сидит и молчит, а я буду на него смотреть. И с меня довольно».

Валентин Гафт приехал. И творческий вечер состоялся. И

он два часа отвечал на вопросы и читал-читал-читал свои стихи. А зрители просили еще...

На интервью Валентин Иосифович согласился легко. Мы встретились в холле отеля. В нашей встрече принял участие младший коллега Гафта, его партнер и напарник, замечательный артист Саид Багов.

Только мы собрались начать беседу, как к Гафту, заметно волнуясь, подошел мужчина лет 45-и и сказал: «Здравствуйте! Дай вам бог здоровья. Это вам – маленький сувенир». «Маленький сувенир» оказался здоровенной подарочной коробкой, в которой, красочно упакованные, лежали бутылки грузинского вина и коньяка. Вручив подарок, скромный даритель немедленно удалился. Ему от Гафта ничего не было надо – он всего лишь хотел сделать приятное любимому артисту...

Ах, сколь о многом хотелось спросить Валентина Гафта! Но о чем его ни спрашивай, все рав-

но получится разговор о поэзии. Так вышло и на этот раз.

– Валентин Иосифович, посмотрите на эту аудиокассету. На ней дата – 8 мая 1987 года. Это запись интервью, которое вы мне дали 31 год назад в Тбилиси, после спектакля-концерта «Дилетанты». Некоторые ваши стихи я помню с тех пор. Например, я всегда говорю, что Гафт лучше всех определил, что такое искусство: «Плотней к губам судьбы мундштук. Искусство – это кто как дует».

– Я забыл прочитать это стихотворение вчера на вечере. С него можно было бы начать встречу... А еще можно было бы начать вот с этого:

О, это многолетье!
когда устану жить,
вместо меня на свете
часы будут ходить.
Когда они устанут,
задремлют на ходу,
я к ним вернусь на землю
и снова заведу.

– **Вы часто думаете о прошлом?**

– Я вспоминаю, какое оно временное и какое оно быстрое. Да и было ли оно вообще?

– **Как-то Олег Табаков сказал, что старается как можно меньше думать о прошлом – иначе оно начнет перевешивать настоящее.**

– Он правильно сказал. Я очень любил и люблю Табакова. Это великий мастер своего дела, великий артист. Но это мало сказать про него. Он знал, что такое человековедение. Пока мы не разобрались в человеке, нужна в таких людях, как Табаков, велика. Он сам занимался этим – выращивал людей для того, чтобы найти золотую жилу. Откуда все начинается? Он не Чехов, не Достоевский, не Пушкин, но, тем не менее, струна – та же. Как ее тронуть, в каком месте, сколько раз? Это загадка. Таких великих очень мало, но все в одно бьются: узнать, для чего жить.

– **А для чего жить?**

– Для того, чтобы получать удары и разбираться, откуда они берутся.

– Отвечать на удары надо?

– Ответить можно не торопясь. Потом. Разбираться нужно.

– В 1987 году я вас спросила – что вы читаете и перечитываете из поэзии? Повторяю вопрос.

– Что перечитываю? Куда пойдут. И понять не могу, кто же из них лучше всех? Перечитываю Бродского. По-прежнему люблю Маяковского. Полюбил Есенина. Это что-то невероятное! Как он цепляет! Это не тот рыболов, который бросает удочку наудачу. Ему всегда попадается рыба, которая как будто выращена в сказке. Сказочные стихи! Не потому, что Пушкин и Лермонтов «ловят» хуже, а потому что удивляешься, как Есенин без промаха ловит рыбу в речке. Он понимал, что происходит около речки, внутри речки и после нее. Это очень наглядное пособие того, что может сделать тот, кто пишет стихи, для того, кто их читает.

– А вот что вы ответили на этот вопрос тогда: «Стихов читаю много. Меня редко что удивляет. Все время удивляюсь Лермонтову. Какой это потрясающий поэт! Не говорю о Пушкине, Фете, Тютчеве – это мои любимые стихи. Ахматова, Цветаева, Мандельштам, грандиозный Гумилев, прекрасный Ходасевич».

– Я согласен со всем, что тогда сказал. Все то же самое осталось. Я тут почитал стихи Бориса Рыжего. Вот это поэзия! Сильнейшая! Он правильное направление взял – перехватил и продолжил самые великие открытия в стихах. Ты читаешь и не знаешь, чем кончится стихотворение – и вдруг маленькая травинка превращается в огромный лес. Потрясающие сравнения, потрясающие образы. Мне очень нравится. Если бы я так умел, я бы сочинял такие стихи... Я не поэт, конечно. Мне просто нравится иногда за-

ниматься этим делом. У меня есть такие короткие стихи:

Мы не проходили в школе,
Что такое антресоли.
Что-то близкое к фасоли
И соленое притом.
Оказалось – антресоли,
Когда жить не хочешь боле,
Когда корчишься от боли
И прихлопнут потолком.

– У вас, между прочим, финальная фраза в стихах всегда очень много значит.

– Да, это правильно. Так и должно быть.

Ходили по лесу, о жизни трубили
И елку-царицу под корень срубили,
Потом ее вставили в крест, будто в трон,
Устроили пышные дни похорон.
Но не было стоны и не было слез,
Снегурочка пела, гундел Дед Мороз,
И, за руки взявшись, веселые лица
С утра начинали под елкой кружиться.
Ах, если бы видели грустные пни,
Какие бывают счастливые дни!

– Вы говорите, что Табаков прав, и в прошлое заглядывать не надо. Но если все-таки попробовать – какой самый счастливый момент детства вам вспоминается?

– Мне было десять лет. Отец меня взял на футбол. Играли «Динамо» с ЦДК. Финал Кубка СССР. Отец купил мне мороженое, бутерброды с колбасой. Шел дождь, и мы не достояли, ушли домой. Но мне очень понравилось мороженое и бутерброды с колбасой.

– А футбол?

– Футбол тоже. Но отец был строгий. Он сказал – пошли отсюда, играют плохо.

– На сцене бывают моменты счастья?

– Очень много ошибок бывает на сцене. Иногда тебе кажется, что ты потрясающий. А потом, при разборе, оглядываясь назад, понимаешь, что это было плохо. Тебе просто показалось, что ты все слышишь, все понимаешь, и ты начал добавлять. А добавлять не надо. Если нашел правильную ноту, не надо ее усиливать. Все секреты правильно ложатся только на спокойную душу. Душа вообще меня беспокоит. У меня есть такое стихотворение... Вы знаете, я только к концу жизни понял, про что написал:

К земле стремится капелька дождя
Последнюю поставить в жизни точку.
И не спасут ее ни лысина вождя,
Ни клейкие весенние листочки.
Ударится о серый тротуар,
Растопчут ее след в одно мгновенье,
И отлетит душа, как легкий пар,
Забыв навек земное притяженье.

– Что вас в жизни спасало? Что помогло?

– А мне там (показывает наверх) сказали – не торопись. Мало знаешь, мало читал, мало видел, так что – не торопись.

– Была ли такая роль, которая никак не давалась?

– Роль офицера в фильме «Жизнь Клима Самгина». Воланд в «Мастере и Маргарите». Говорить, что виноват не я, а режиссер, не

«Гараж»

«О бедном гусаре замолвите слово»

буду. Актерская интуиция важна. Но очень многое зависит от режиссера. Он должен подсказывать актеру – как сказать, как двинуться, чем наполниться... Такими были Эльдар Рязанов, Петр Тодоровский. Это режиссеры, которые мне нравились, у которых я шел на поводу.

– Какой жанр вам наиболее близок?

– Комедия.

– А пишете такие печальные стихи. Комедиант с трагическим мировосприятием?

– Нет, не могу сказать, что я такой. Кто-то придумал такой штамп: для того, чтобы писать стихи, нужно быть в печали. У меня нет такой задачи – быть в печали.

– Владимир Высоцкий говорил, что стихи рождаются не из опыта, а из страдания... Вот, что вы сказали о нем в 1987-м: «Он поэт. Хотя мно-

гие его стихи неразрывны с его исполнением и мелодией. Он любимый, потому что все, что связано с ним, любимое». Осталось так же?

– Осталось. Осталось. Высоцкий – историческая личность. Ему бог дал ту самую лопату, которой копать, тот самый глаз, которым видеть, ту самую энергию, чтобы человек не уставал. Он поджигал себя.

– Вы это заметили при его жизни?

– Конечно.

– Многие из тех, кто работал с ним на одной сцене, прозрели потом.

– Понимаете, всегда есть подзревающие и неподзревающие, понимающие и непонимающие. Тебя сравнивают с другими, говорят плохо про то, что ты сделал, про роли, в которые вложил душу. Профессия такая, актерство. Чем больше успех, тем больше соперников, даже

ниже классом. Высоцкий – эпоха. У него – интонации времени.

– Стихи «Что нам Дассен? О чем он пел, не знаем мы совсем. Высоцкий пел о нашей жизни скотской» написаны вами?

– Нет. Это мне приписали. Такое часто бывает. Недавно приписали мне какие-то стихи о Наталье Гундаревой... Это ужасно. Обидно такое слушать. Но я умею это в себе подавить. Пусть пишут...

Всегда на столбовой дороге
Мне преграждали жизни путь
Вот эти бешеные ноги,
Вот эта бешеная грудь.
Пошли последние этапы,
Уже недолго ждать конца,
А мне навстречу только шляпы,
И нет ни одного лица.

– Знаете, в чем ваше отличие от всех остальных? У вас нет предшественников. Вы сам себе Гафт, сам себе основоположник. Вы говорите, актеров всегда с кем-то сравнивают. А Гафта-то сравнить не с кем.

– Даже не знаю, что вам почитать в ответ на эти слова...

– У вас бывали периоды усталости от профессии?

– Да. Когда-то что-то не получалось, когда не нравились ни партнеры, ни режиссер. В театре можно устать. Театр очень многоликий, это тягостно, никогда не знаешь, кто прав, кто виноват.

– Везде так, наверное.

– Везде. Театры очень похожи друг на друга.

– Как вам кажется, современен ли «Современник»?

– Нет, не современен. Он в поисках. Тяжелое дело, но Галька (Галина Волчек) старается. Она меня восхищает в своих поисках. Она не падает духом, но я знаю, чего ей это стоит.

– «Современник» в пути, наверное.

– Не могу вам сказать, не знаю. У меня никаких перспектив уже нет. Я в Тбилиси хотел

сыграть Фирса, но Галина Борисовна мне отказала. Она боится, что я упаду. А если она сказала «нет», то спорить бесполезно. Я не отношусь к себе как к последнему человеку в театре и не говорю, что лучше всех, кто там когда-то работал и работает сейчас. «Современник» – сильный театр. Я стоял рядом с товарищами, создателями этого театра, и знал, что вечером они будут играть спектакль, который потрясет зрителей. Олег Даль, Женя Евстигнеев, Ниночка Дорошина... Понимаете, спектакль держится не участием кого-то, а своей цельностью – когда есть сговор между артистами и режиссером. Про все не сыграешь. А когда хотят сыграть в одной роли и эту роль, и ту роль, и третью, так нельзя. Нужно отобрать важные для спектакля вещи. Для этого нужен режиссер. Точка отправления – это всегда режиссер. Он должен быть смелым, неожиданным. Таких не хватает... А возьмите Бориса Рыжего – он бы вам такое стихотворение написал про это, что закачаешься. Рыжий мне нравится.

«Ах, если бы она была жива, Я все бы отдал за нее, все бросил».
Слова, слова, слова, слова, слова.
Мы все их после смерти произносим.
И пишутся в раскаянье стихи,
Но в глубине души навеки будут с нами
Грехи, грехи, грехи, грехи, грехи,
Которые не искупить словами.

– Саид Муратович, какие уроки преподал вам Валентин Гафт?

Саид Багов: – Я хотел сказать об этом на вечере, но как-то не получилось...

– Скажите сейчас.

Саид Багов: – Он не боится мазать, не боится промахиваться. Это колоссальное достоинство. Если он чувствует, что сразу в десятку не попадет, то кропотливейшим трудом, практически ежеминутным, достигает цели.

Саид Багов и Валентин Гафт

– Изводя «тысячи тонн словесной руды»?

– Совершенно верно! Вот это и сделало его художником – от мальчика, который проходил мимо родственников с томиком Пушкина, изображая, что он его читает, до выдающегося артиста, который грандиозно читает Пушкина, был пройден огромный путь. Для меня его главный урок заключается в том, что возникающему импульсу нужно верить. Мало того, надо иметь еще и волю, и терпение.

– Вместе с Валентином Иосифовичем вы играете спектакль «Пока существует пространство». Это спектакль для театральных гурманов или для всех?

– Для всех абсолютно. Когда мы начинали эту историю, Валентин Иосифович сказал буквально следующее – это должно быть так же просто, как шишкинские «Три медведя». И это просто. При том, что это очень не просто.

В. Гафт: – Это история частной жизни, которая превращается в разговор об очень сложных вещах. Но не коряво,

а – как легкое дыхание. Это спектакль, требующий большой загрузки. Но он легкий, чтоб не мучить. Знаете, если бросать мясо на сковородку без масла, оно тут же сгорит. Поэтому сковородочку нужно подготовить.

– У вас есть замечательное четверостишие, посвященное Зиновию Гердту. Оно начинается обращением «О, необыкновенный Гердт!». Я набралась смелости и сочинила посвящение вам:

**О, необыкновенный Гафт!
Осознаю до слез, до дрожи –
есть неопровержимый факт:
второго Гафта быть не может.**

– Ну что тут скажешь? Грандиозно! Все правильно. Второго действительно не может быть (смеется). Спасибо вам. Спасибо вашему журналу. Я посмотрел – интересный журнал. Вы обогащаете дело, которым занимается артист. Пока существуют такие люди, как вы, театр будет жить, и будут новые открытия. Спасибо!

На семинаре

КИНОМАНИЯ «СОДРУЖЕСТВА»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Обладателем диплома первой степени Батумской международной киношколы молодых кинематографистов СНГ «Содружество» стал фильм «Киноман» (Кыргызстан, реж. А. Нуракун). Герой этой непритязательной лирической зарисовки – любознательный и обаятельный малыш – пробудил в зрителях добрые, немного сентиментальные чувства.

Киношкола «Содружество», проводимая в четвертый раз Фондом поддержки культурных и кинематографических инициатив «Два Андрея» и Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ, собрала в курортном городе Батуми представителей 13 стран бывшего СССР. По традиции молодые кинематографисты представили в конкурсной программе только короткометражные ленты – всего 20 фильмов (художественный руководитель фестиваля – Вячеслав Шмыров, программный директор – Александра Жукова, исполнительный директор – Максим Царьков).

Профессионалы отметили необычную работу армянского режиссера В. Хачатряна «Луна, солнце и мушкетеры», снятую в Португалии. Эта художественно-документальная картина словно вводит нас в магиче-

скую вселенную Габриэля Гарсиа Маркеса. Режиссер творит мифологическое вневременное пространство, в котором мир реальный соединяется с фантазмагорией. Фильм по результатам общего голосования был

отмечен дипломом второй степени.

Такую же награду получила российская комедия «Лео и Ураган» режиссера П. Емелина. Это зрелищное, захватывающее кино. Его колоритные персонажи, охранник и трансвестит (то ли мнимый, то ли настоящий), – представители нынешней, порой весьма экзотической и криминализованной реальности, переживают ряд приключений. В итоге развенчиваются мнимые и утверждаются истинные ценности – братство, дружба, любовь.

На третьем месте по результатам общего голосования – реалистическая драма «После» (Украина, реж. Х. Джалали). Горькая история одинокой женщины, потерявшей возлюбленного и надежду на счастье. Сын покойного лишает ее даже права проводить дорогого человека в последний путь. Картину «После» отметило своим дипломом и жюри мастеров – режиссеры Алексей Герман, Александр Котт, Михаил Сегал и художник Елена Окопная. Они же наградили необычный фильм киргизских кинематографистов «Оймок» (реж. Касиет Куба-

нычбек) – о дружбе беркутчи Амана с дикой птицей. Зрителей впечатляет документальная подлинность происходящего на экране...

Привлекла внимание историческая драма – экранизация эстонского режиссера В. Муко «Победа». В основе – рассказ Ильмара Таска. Авторы возвращают нас в 40-е послевоенные годы, в эпоху репрессий. Семья мальчика скрывается в деревенской глуши. Но однажды подросток недалеко от дома встречает незнакомца – обладателя новенького автомобиля «Победа». Мужчина обещает научить его водить машину и увозит ребенка подальше от дома. По возвращении мальчик обнаруживает исчезновение родителей и страшный беспорядок в доме – следствие обыска. Мастера киношколы отметили профессионализм, вкус создателей фильма, серьезную изобразительную и операторскую работу. Картина получила приз жюри прессы (в составе – киновед Г. Толомушова, журналист И. Безирганова, киноведы Е. Майзель и В. Прокофьев – он представил программу короткометражных фильмов СНГ «Границы Шока») – как и «Луна, солнце и мушкетеры».

Среди фильмов, оставшихся без наград, – картина латышского режиссера Р. Зелтца «Теплая тишина». Человек и таинственный, во многом непознаваемый мир. Мир природы и глубины человеческой души. Мистические страхи и тревоги, связанные с внутренней сущностью каждого из нас.

Отражение психологического состояния автора – фильм Никиты Лаврецкого «Sadmusic» (Беларусь). «Невротически-меланхолический опыт», современная форма, в которой соединяются застывшие пейзажные зарисовки, безлюдные картинки, медленные закадровые тексты или тексты, зафиксированные на пленке, передающие напряженное, тягостное настроение героя (автора), – интересный поиск нового киноязыка...

Попытка найти свой стиль – трехминутная лента Георгия Варсимашвили (Грузия) «Лестница», в которой используется художественный прием отражения. Мы видим только происходящее в подъезде, на лестнице, и лишь догадываемся о том, что в одной из квартир случилось или должно случиться нечто особенное (мы до самого конца не понимаем, плохое или хорошее): по действиям немногих персонажей. Кто-то стремительно бежит вверх, кто-то – вниз по ступеням, осторожно крадется соседка, напряженно вслушиваясь, явно желая что-то выведать. В финале все разрешает детский плач – человек родился!

Показалась любопытной эстетика картины «Валя» (Россия – Германия – Азербайджан, реж. А. Бродская), – она, по сути, немая. Актеры не произносят ни слова – драма героев передана через крупные планы, построение композиции в кадре, музыкальное оформление.

В фокусе внимания многих молодых режиссеров – проблема взаимоотношения поколений – отцов и детей, семейные духовно-нравственные ценности: «Поговори со мной» (Беларусь, реж. И. Качан), «Омур» (Кыргызстан, реж. Ч. Борубаева), «Сынок» (Таджикистан, реж. П. Шарифов, Т. Муминова, Д. Имомали), «Маршрут» (Казах-

стан, реж. Д. Тулегенов), «Хамса» (Россия, реж. Г. Эфендиев), «Хорезм» (Узбекистан, реж. М. Аллокулова).

Высказывание белорусского режиссера В. Сенькова, содержащее антимилитаристский посыл, – фильм «From a great height». О случайной встрече двух молодых людей – «косящего» от армии белоруса и сирийского беженца, прошедшего через ад войны.

А в документальной ленте «Люмьеры» (Узбекистан, реж. Х. Белоусова, Д. Рустав) используется стопроцентно срабатывающий прием: опрос детей. И тема задана актуальная: восприятие ими феномена кино. Детской теме посвящена и латвийская картина «Engarde» (реж. Д. Йоффе). Ее авторы показывают, как юному спортсмену-фехтовальщику удается преодолеть самого себя, справиться со своими комплексами и неуверенностью. И в этом ему помогает... покойный брат, некогда тоже спортсмен.

Киношкола «Содружество» интересна не только своей конкурсной программой короткого метра. У начинающих режиссеров, делающих первые шаги в творчестве, есть уникальная возможность пообщаться с мастерами, услышать их компетентное мнение о своих работах. Более опытные коллеги не толь-

Вячеслав Шмыров

Алексей Герман и Елена Окопная

ко скрупулезно, всесторонне анализируют картины молодых, но и делятся профессиональными секретами, рассказывают о своем отношении к отечественному и мировому кинопроцессу. И это очень полезный диалог – как для дебютантов, так и для тех, кто уже достиг больших успехов на своем поприще.

Мастера, ведущие семинары, показали в рамках киношколы свои фильмы – и это тоже стало школой высокого профессионализма.

Состоялся показ нового фильма Алексея Германа «Довлатов», с успехом участвовавшего в основном конкурсе 68-го Берлинского международного кинофестиваля. Режиссер, признанный мастер интеллектуального кино, исследующий в своем творчестве судьбы российской интеллигенции, воссоздает в своей последней картине удушливую атмосферу 70-х годов прошлого века, литературно-художественную среду того времени. В ней задыхались талантливые писатели, поэты, художники, деятели театра и кино, лишённые возможности печататься, выставляться, ставить спектакли и снимать фильмы... Следствием этого были самоубийства, алкоголизм, эмигра-

ция. В роли знаковой фигуры советской эпохи писателя Сергея Довлатова выступил замечательный сербский актер Милан Марич.

Михаил Сегал показал свою давнюю полнометражную картину «Франц + Полина» – пронзительную историю трагической любви белорусской девушки и немецкого солдата. Это честная, беспартийная работа большого мастера.

Красивую, эффектно снятую историю шекспировских влюбленных представил Александр Котт – это короткометражная лента «Рома и Юля». Безумная любовь современных Ромео и Джульетты развивается буквально накануне конца света. Грядущий апокалипсис только обостряет чувства влюбленных. Грубое вмешательство взрослых приводит их к гибели в последний день существования человечества. Участники киношколы посмотрели еще одну камерную картину о любви А. Котта – «Близкое объятие» с участием блистательных Инны Чуриковой и Альберта Филозова.

– Мы пригласили в качестве руководителей семинаров очень успешных мастеров, кото-

рые еще вчера были такими же начинающими режиссерами, как их сегодняшние ученики. И это сближает! – рассказывает художественный руководитель киношколы, киновед **Вячеслав Шмыров**. – В рамках сценарного семинара мы обсуждаем формулу будущего совместного фильма-альманаха. Его очень сложно сделать, потому что по СНГ нет модульного закона о сотрудничестве в области кино. Кино – это идеологический продукт. Поэтому тематика, которую мы стараемся найти, должна быть понятной и не раздражать государства. Она не может быть заведомо провокативной. В то же время кино молодых не может не быть провокативным. Поэтому так сложно выстроить правильную линию поведения. Но я все-таки за то, чтобы сначала иметь какой-то творческий результат, контент, а уже потом с этим куда-то обращаться. Молодых в этом смысле нужно немного подстегнуть, потому что им явно не хватает творческой воли и фантазии. И мы договорились подготовить сначала альманах сценариев. За лето мы его сделаем, обсудим. Что нас сближает, объединяет? Существует отторжение от слов «советский», «постсоветский». Так что вопрос лексики тоже становится животрепещущим. Потому что, если не найдено верное слово, трудно двигаться вперед. Наша позиция такова: надо обеспечить культурную экспансию тех связей, которые были наработаны. Ведь человеческие, творческие, культурные отношения между народами бывшего Союза сохраняются. Вижу живую заинтересованность в том, чтобы альманах состоялся. Сейчас мы ищем творческий каркас для этой идеи. Альманах – как раз та форма, которая позволяет продвигать короткий метр. Повторяю, он еще и идеологический продукт. Если подразумевать, что альманах делают не случайно собравшиеся люди, снимающие фильм на одну тему. Это уже определенный концепт, пози-

ция, творческая декларация. Именно с этой точки зрения мы и должны подойти к идее альманаха. Каждый короткометражный фильм – это проба пера, школа подготовки к чему-то большему. Либо это фильм-жест, фильм-реплика, отражающий некое событие. Возможно, какой-то исторический факт. Нашим участникам не хватает энергии, это я и называю событийным ядром каждого фильма. Тонкость работ молодых режиссеров нередко идет в ущерб яркости. А молодые должны быть яркими, это тоже условие их выживания в профессии!

– Сама форма киношколы мне кажется очень интересной, – говорит **Михаил Сегал**. – Во всем мире проводятся фестивали короткого метра – посмотрели, либо получили приз, либо нет, и разошлись. В формате киношколы «Содружество» происходит обсуждение работ, приглашаются разные режиссеры, сценаристы, осуществляющие анализ, люди сталкиваются во мнениях – и в этом очевидная польза для профессионального роста, чего на обычных фестивалях не бывает. Что такое молодое кино? Это те, кто сейчас молод? А немалое кино – это те, что вчера были молодыми? Но ведь те, кто сегодня молод, через 20 лет будут немалыми? Профессия режиссера – очень личностная. Пассионарные одиночки самостоятельно «пробивают стену» и сами что-то делают. Это отнюдь не вопрос поколений – это вопрос свойств характера одного человека. Мы говорим о самих людях, насколько они хотят, готовы делать кино. Благодаря современным технологиям сейчас гораздо проще снимать фильмы. Если у тебя есть идея, то ты можешь взять камеру, собрать группу людей и снять что-то простое, но талантливое, хотя раньше это было почти нереально осуществить.

– Нужно понять, как стать победителем, пробиться, – считает

Алексей Герман. – Выигрывают единицы – за счет энергии, парадоксальности, провокационности высказывания. Они погружают зрителя во что-то поворачивающее, резко меняющее его отношение к миру. Молодой режиссер Кантемир Балагов, дебютировавший в качестве режиссера с полнометражным фильмом «Теснота» в программе «Особый взгляд» на Каннском кинофестивале и удостоенный приза ФИПРЕССИ, нашел именно такую форму, такой язык, сюжет, взгляд на окружающую реальность, что в итоге у него получилась транспарантная картина мира, гармоничная полу-притча. Из 100 пришедших в профессию режиссера в лучшем случае выживают 5. Не важно, что удачно или неудачно. Главное – в какую сторону происходит твое движение. Нельзя повторяться, нужно удивлять. Кино становится все более и более форматным, фильмы – похожими. Требуется другая сложность, другая энергия, ум, вызов, смелость, наглость. А дальше – как вывезет кривая.

– Это не рядовая киношкола, не рядовое обсуждение, – утверждает **Александр Котт**.

Александр Котт

– Мы видим кино стран постсоветского пространства, которое помним, знаем, любим. То есть, это отклик еще из того времени. Мне интересно, что где происходит, ведь мы стали замыкаться на своих странах. Киношкола – уникальный опыт, и его нельзя терять. Это даже не школа – скорее, форум. Сюда приехали кинематографисты из разных стран, чтобы обмениваться опытом. Кино – проводник сегодняшнего дня, отражение происходящего в мире. Самое лучшее, честное обучение происходит, когда обсуждаешь уже сделанное, снятое. Это правильнее! Более того – многие фильмы уже имеют какую-то фестивальную судьбу. Это режиссеры, которым важно поделиться. Конечно, идеальная форма обучения – это воркшоп. Когда приехали, что-то сняли, обсудили. Это такая интернациональная форма: условно говоря, режиссер из Армении, оператор из Эстонии и т.д. делают одно кино. У меня был такой опыт в Латвии. Когда мы приехали, была задана тема, мы ее тут же размяли, сняли фильм, смонтировали. И это вполне реально. Кино – интернациональное искусство. Мы испытываем одни и те же чувства. Любовь –

Гульбара Толомушова и Артур Везбер

это любовь. Родители – это родители... Сегодня снимать кино с точки зрения техники стало проще, соревнуются идеи. Сценарий стал важнее, чем режиссура. В то же время ощущается дефицит интересных концепций. Раньше мы сами докапывались, читали, изучали. А сейчас вся информация в телефоне: гугл, википедия. И в этом смысле все нам дается сразу. Когда у тебя сложный путь познания, больше идей. Поэтому нужен твой личный опыт, уникальный, пережитый.

Участниками киношколы стали продюсеры из Эстонии **Артур Везбер** (Artur Veeber) и **Татьяна Мюльбейер** (Tatjana Muelbeier) (продюсеры знаменитого фильма *Запыленные урушадзе «Мандарины»*).

– Очень сложно рассчитывать на то, что, если вы сняли короткий метр, вложили в него все силы, то ваши финансовые затраты будут каким-то образом компенсированы, – сказал А. Везбер молодым режиссерам. – Такое развитие событий маловероятно, так что будьте к этому готовы. Обычно продюсерами короткого метра являются либо киношкола, либо семья, либо друзья. Короткий метр – первая страница вашего портфолио, и вы должны снять этот фильм, будучи готовыми пойти на массу компромиссов

и затрат и отказаться от возвышенного отношения к кино. Самое главное – дойти до конца и снять свой первый фильм. Потому что, к сожалению, каждый творческий человек – это кладбище неосуществленных идей. Как правило, 99 процентов из них не могут найти своего воплощения. Потому что имеются негативные финансовые обстоятельства, на основании которых он просто не может этот фильм снять. Если вам каким-то образом все-таки удастся снять свой первый фильм – это уже огромная победа. А потом есть смысл продвигать вашу работу на международном рынке. В мире существует множество фестивалей, которые запущены под короткий метр. На них вам стоит обратить внимание. Есть определенная процедура, когда вы готовите портфолио, аннотации, фотографии, английские субтитры... Но не всегда все это срабатывает. Отборщики – это особая каста.

О ситуации на кинопространстве бывшего СССР рассказала Татьяна Мюльбейер.

– Почему, к примеру, Кыргызстан называется страной короткометражного фильма? Потому что там наступил период, когда количество перерастает в качество. В этой стране много национальных школ, каждый мастер выпускает учеников, каждый ученик получает

право высказаться. То, что мы сегодня видели, – киргизское кино – снято весьма профессионально. За хорошие деньги и на прекрасной аппаратуре. Это сделано для того, чтобы молодой автор мог о себе заявить. Когда очень много талантливых и энергичных людей, обязательно появляется самородок, который эту страну и прославит. Что касается Узбекистана, то там сложная ситуация. Страна с хорошими кинотрадициями была очень долго изолирована. Эта изоляция создала внутренний кинорынок. В его сторону смотрят с удивлением. Потому что население столь велико, что внутреннего рынка хватает для окупаемости фильма. Но так как внешний мир очень разнообразен и никак нельзя принизить его значения, то люди, побывавшие за рубежом на разных фестивалях, могут все увиденное привнести в свою индустрию и снять это доступным языком для своего зрителя. Экономически модель так проработана, что все только удивляются: закрытый рынок прекрасно справляется с финансово-экономическими задачами. А вот Кыргызстан – это открытое пространство, которое привлекает своей дешевизной и талантами. Если говорить о таджикской киноиндустрии, то она понесла в последние годы невосполнимые потери. Что касается Казахстана, то это страна пережила такой подъем, взрыв, что это не могло не отразиться на кинопроизводстве. Это большие деньги и большие амбиции. Казахстан – единственная страна, поставившая перед собой задачу покорить Америку и получившая наибольшее количество номинаций на «Оскар». Казахское кино чаще всего выдвигалось и чаще всего было признано. В Казахстане поняли, что деньги, популярность кино и техническое переоснащение – все это звенья одной цепи... В Латвии очень хорошие, неуничтожимые традиции, Рижская киностудия выпускала качественную продукцию круглый

Виктор Прокофьев, Инна Безирганова и Евгений Майзель

год. Литва отличается от Латвии тем, что есть у них такое хобби – режиссура! Лучшие режиссеры – литовские, и никуда от этого не денешься. Современные кинематографисты, которые приняли эти национальные традиции, создают официальное лицо страны. Эти традиции нельзя разрушить ни при каких системах. Что касается Эстонии, то она давно вписана в модель европейского сотрудничества. Дважды ходила за «Оскаром» – один раз с грузино-эстонскими «Мандаринами», в другой раз – с фильмом «Фехтовальщик» (Эстония, Финляндия, Германия). Техническая база Финляндии очень помогает Эстонии. Ведь если кино технически несовершенно, оно не будет востребовано ни на внутреннем, ни на внешнем рынке, а в этом очень значимо участие финнов. В Эстонии прежние кадры еще работают, но база другая. Крупнейшая киношкола региона находится именно в Эстонии. Опять-таки благодаря Норвегии, которая построила киношколу и полностью оснастила ее. Поэтому отовсюду к нам слетаются молодые кинема-

тографисты. Образование для своих бесплатное, обучение на английском платное, но оно гораздо дешевле, чем везде. Мы проводим крупнейший в регионе фестиваль. На его платформе, как и на платформе большого зрительского интереса – заслуга больших политических и экономических механизмов! – Эстония держит первенство по многим показателям.

Теперь о кино Беларуси. Это совсем не та тоталитарная Беларусь, которую акцентирует стандартное мышление. Это инакомыслящая страна: свобода прав человека прежде всего! Это всевозможные узники совести. То есть, кинопроекты, предназначенные для Европы и соответствующие европейскому восприятию Беларуси. Например, та же Молдова – румынская ее часть и Приднестровье. На этом конфликте, противостоянии держится интерес Европы к Молдове, деньги отпускаются на производство фильмов только на эту тему. Особая разговор – Украина. Она рвется в Евросоюз. А Европа при своей любви к Украине оглядывается на Россию. Зачем

нам на территории Европы конфликтные ситуации? В Украине были творческие кадры, пренебрегать которыми невозможно. Очень мощная и качественная техническая база корнями – в России, рынок приложения – в России. Профессионалы из Украины расползаются по странам Европы. Они набрали такие обороты, что остановить их невозможно. Для профессионалов высшего разряда идеология не имеет значения. Украинские кинематографисты лучше всех делают фильмы о войне и поэтому вливаются в Европу – в тот кусок пирога, который снимает крупномасштабные фильмы на эту тему...

В рамках киношколы «Содружество» состоялся брифинг на актуальную тему: «Международное продвижение короткометражных фильмов». В нем приняли участие Артур Везбер и киргизский киновед Гульбара Толмушова. Состоялся круглый стол по проблемам международного сотрудничества. Его провели Вячеслав Шмыров и Евгений Майзель.

Ирина Квижинадзе в спектаклях «Английский детектив» и «Кастинг...»

ЛЮБИМАЯ АКТРИСА

Ирина Квижинадзе – актриса, рожденная для успеха.

В ее творческой биографии нет ни одной неудачно сыгранной роли. Она всегда яркая, запоминающаяся, легко и сразу покоряющая зал. Не могу припомнить, чтобы она, отыграв сцену в спектакле, ушла бы за кулисы без аплодисментов. У нее бывали роли второго плана, и в то же время таких ролей как бы и не было, потому что даже не главную роль Ирина Квижинадзе умеет превращать в «гвоздь» спектакля! Ну, а уж в своем моноспектакле «Кастинг. Белый танец для любимой актрисы» она играет и Маргариту Гете, и Марию Стюарт, и Медею, и Незнакомку Цвейга, и Нефертити, и даже Гамлета. Актриса, скажем прямо, крутит-вертит зрительным залом по своему влечению-хотению, зрители улыбаются, грустят, задумываются, смеются и плачут – огромными светлыми слезами...

Заслуженная артистка Грузии, кавалер Ордена Чести, обладатель звания «Мастер сце-

ны» Ирина Квижинадзе родилась в Хабаровске. Актерство у нее в крови. Ее бабушка и мама, хотя и не окончили театральный (жили тяжело, нужно было работать), многие годы играли в народном театре. Семья переехала в Тбилиси, и Ирина, по настоянию мамы, поступила на филологический факультет педагогического института, отучилась, получила диплом. И тут в Тбилисском театральном институте открылся русский сектор. Ирину сразу взяли на второй курс. С 1967 года она служит в театре имени А.С. Грибоедова – более полувека! В ее творческой биографии – десятки блистательных ролей в спектаклях по произведениям Шекспира, Лермонтова, Гоголя, Островского, Сухова-Кобылина, Чехова... Она работала с режиссерами Михаилом Туманишвили, Додо Алексидзе, Александром Товстоноговым, Котэ Сурмава, Гигой Лордкипанидзе, Гизо Жордания, Гоги Кавтарадзе, Авто Варсимашвили, Андрo Енукидзе...

«Я много сыграла, – рассказывает актриса, – но еще больше так и осталось в мечтах. Впрочем, актер, как правило, не удовлетворен, ему всегда хочется играть еще и еще... Я еще практически ни разу не сказала себе: «Ах, как я сегодня довольна своей игрой!» Это бывает очень-очень редко, да и бывает ли? Уходя со сцены, я обычно испытываю острое чувство неудовлетворенности. Единственный момент, когда я ощущаю себя иначе – когда выхожу по-

сле спектакля на сцену и слышу аплодисменты. В эти мгновения я понимаю, что зрители мне благодарны, значит, я сделала нечто такое, что доставило им удовольствие. И вдобавок я всегда была оптимисткой. Что бы со мной не происходило».

А еще – вот уже почти десять лет – актриса возглавляет театральную студию юного актера «Золотое крыльцо», и сегодня на сцене театра имени А. Грибоедова работают молодые артисты, чей творческий путь начинался именно в «Золотом крыльце», под руководством их первого педагога – Ирины Владимировны Квижинадзе.

Поздравляем Ирину Квижинадзе с юбилеем и сердечно желаем здоровья, благоденствия и новых ролей – на радость всем ее почитателям!

Ирина Мегвинетуцеси в спектаклях «Дон Гуан» и «Гроза»

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Ирина Мегвинетуцеси родилась в Харькове, окончила актерский факультет Харьковского института искусств им. И. Котляровского и сразу же, в 1984 году, стала актрисой Тбилисского русского театра им. А.С. Грибоедова. Кстати, тем самым она осуществила мечту своего отца – абсолютный грузин по менталитету, он очень хотел, раз уж ему не суждено, чтобы дочь вернулась на его родину, в Грузию.

«Тут все свои», – это первые слова, которые произносит Золушка в пьесе Евгения Шварца. С этими словами Ирина и пришла в Грибоедовский театр, с этой роли и началась ее актерская карьера. А «своими» для нее сразу же стали звезды Грибоедовского тех лет – Наталья Бурмистрова, Борис Казинец, Тамара Белоусова, Валентина Семина.

После Золушки последовал

целый ряд ослепительных ролей – Анна Каренина, Аня в «Вишневом саде», Тереза Ракен, Ханума, Кабаниха в «Грозе», Дона Анна в «Доне Гуане», моноспектакль «Желтый ангел», в котором актриса в собственной актерской интерпретации исполнила песни Александра Вертинского. Еще один моноспектакль (который она в том числе сыграла и на сцене БДТ по приглашению Темура Чхеидзе) – «Ангелова кукла» по рассказам Эдуарда Кочергина... И много других ролей. Сейчас актриса репетирует Вассу Железнову в спектакле приглашенного украинского режиссера Станислава Моисеева, и все мы с нетерпением ждем премьеры, которой 14 сентября откроется новый театральный сезон.

Сегодня Грибоедовский театр невозможно представить без Ирины Мегвинетуцеси, как и ее нельзя вообразить без

Грибоедовского. Так уж сложилось. «Я отношусь к театру как к крепкому супружеству, – говорит Ирина. – Мои отношения с театром прошли много стадий. Это можно сравнить с человеческими взаимоотношениями: сперва влюбленность, потом страсть, после расставания и потери, а еще – радости, победы и много-много счастливых минут».

В чем феномен актрисы? У нее совершенно четкий, свой собственный актерский почерк – ее узнаешь в любой роли, под любой маской, с первых же произнесенных слов. Но – вот фокус! – при этом она никогда не сыграет вам двух одинаковых или похожих образов. В каждом спектакле, в каждой роли Ирина Мегвинетуцеси – другая, новая, всегда удивительная и всегда талантливая. А это и значит – штучный товар. Если угодно – единственный экземпляр.

Поздравляем Ирину Мегвинетуцеси с днем рождения и желаем здоровья, благополучия, творческих побед и много успешных премьер!

Александр Эбаноидзе

ПИСАТЕЛЬ МЕЖДУ НАРОДАМИ, ЛИТЕРАТУРАМИ, ЭПОХАМИ

Интервью Елены Чхаидзе с писателем и переводчиком Александром Эбаноидзе

Елена Чхаидзе: Александр Луарсабович, в своей жизни вы играете три роли: переводчика, писателя, редактора журнала «Дружба народов» (На момент интервью А. Л. Эбаноидзе занимал должность главного редактора журнала). Наблюдая за вашей профессиональной деятельностью, я прихожу к выводу, что главной вашей задачей всегда являлось донести знания о других культурах и литературах бывшего советского пространства до российского читателя. Наибольший ваш вклад связан с грузинской литературой. Как переводчик грузинской прозы вы публикуетесь с 1960 года, но проблемы перевода – отдельная широкая область, а сегодня я хочу сконцентрироваться на двух других областях вашей деятельности: Александр Эбаноидзе как писатель и как редактор. Это особенно интересно, так как вам выпало работать в очень сложный исторический и политический период:

крах СССР и формирование новых государств. На смену советской литературе пришла постсоветская, на смену популярности межнациональных связей – межнациональные распри. Вы тот человек, который оказался, скажем так, в точке пересечения – сначала культур (грузинской и русской), в силу разных личных обстоятельств, а затем – в точке пересечения эпох (советской и постсоветской). Интересно узнать, как человек, сформировавшийся и ставший успешным в советский период, к тому же не на своей этнической родине, а в центре советской «империи», жил и работал тогда? Как он адаптировался к новым временам? И как он, взяв на себя руководство редакцией одного из самых популярных и значимых советских журналов, видит судьбу этого журнала уже в постсоветские времена? Начну с вашего литературного творчества. Вы прославились как

русский писатель грузинского происхождения, и писали вы, находясь в России. Расскажите, как менялись ваши приоритеты в обращении к грузинской теме, начиная с первого романа советских времен, получившего широкую известность не только в СССР, «Два месяца в деревне, или Брак по-имеретински» и продолжая первым романом постсоветских времен – «Ныне отпускаеши»? Ведь, как мне кажется, они антиподы по цели и по общей тональности содержания.

Александр Эбаноидзе: В одной из своих книг я объединил под обложкой романы «Брак по-имеретински» и «Ныне отпускаеши...»; через некоторое время издал в том же составе книгу на грузинском. Для меня их объединение принципиально. Романы разделены двадцатью пятью годами, за которые в Грузии произошли кардинальные изменения. Визуально перемены отображены в оформлении

грузинского издания – большой формат книги предоставил такую возможность: светлая сторона обложки воспроизводит идиллическую картинку, красивый имеретинский дом-ода, куст зреющей ежевики, тоненькая девчонка в белом ситце. На темной стороне обложки приметы Тбилиси – телевышка на Мтацминде, храм Метехи с Горгасалом, а на переднем плане тело убитого мужчины, распластанное на булыжниках развороченной мостовой. Аннотация также подчеркивает контрастность романов: «Юмор сменился сарказмом, простота патриархального уклада – абсурдом националистической вакханалии, лирическое волнение – скептическим раздумьем». Судя по откликам, «двойной портрет» сработал; вот что я прочитал в одной из рецензий: «Мы узнали Грузию грез, сладостную, как пир, и Грузию горя, горькую, как похмелье». Собственно, ради обоюдного усиления я и свел воедино романы, разделенные четвертью столетия.

Чтобы сформулировать, что двигало мной в процессе работы над «Браком по-имеретински», я сошлюсь на слова мудрого Фазиля Искандера, сказанные в телепередаче «Книжная лавка»: «Пружина, которая держит рассказанную историю, – это любовь: любовь к родной земле, к людям, живущим на ней, к обычаям и традициям».

С годами убедился в правоте слов Фазиля: любовь, соединенная с энергией молодости, помогла создать книгу, полную народного оптимизма.

Е. Ч.: Постепенное увеличение количества общественных коллизий не было ли реакцией на романтически-прекрасную историю жизни и приключений героя в грузинском селе, описанную в первом романе? Не захотелось ли показать и другую жизнь в Грузии?

А. Э.: При написании «Ныне отпускаешь» я не меньше любил Родину, но общественные катаклизмы разрушили былую

Имеретия

гармонию, показали обратную сторону многих явлений и качеств. В моей прозе (а между «Браком...» и «Ныне отпускаешь» были еще и «Где отчий дом», и «Вниз и вверх») все отчетливей проступал элемент политизированности, т. е. «главная мысль» не выявлялась через самодвижение материала, а как бы навязывалась рождающемуся сочинению. Безыдейный «Брак...» походя отобразил и социальную тематику, и даже классовую борьбу на селе. Но меня подхватил общественный водоворот 1980-х, я даже ударился в публицистику – опубликовал два десятка статей. Словом, удержаться над схваткой не удалось... Или во времена счастливого «Брака...» никакой схватки не было?

Отмечу еще одну особенность моих писаний: в них мало Тбилиси; хоть я там родился и люблю этот город, эмоционально меня наполняет Имеретия, дом на горе, куда мечтаю вернуться на склоне лет.

Е. Ч.: Выходит, несмотря на годы жизни вдали от Грузии, ваши чувства и связь с ней сублимируются в текст? А дистанция, какую роль играет она?

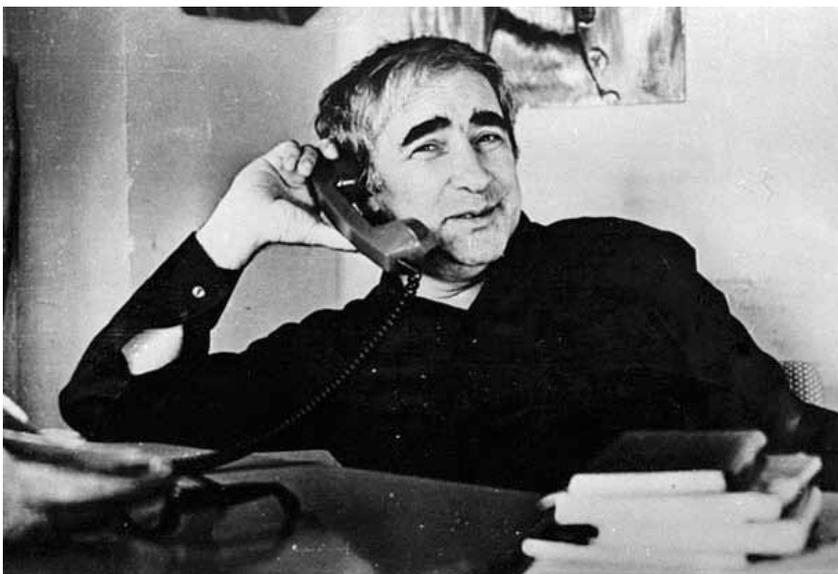
А. Э.: Я давно живу далеко от родины, но крепко связан с ней и остро переживаю все, что там происходит. Дистанция в

моем случае дает двойной эффект: вроде бы все видно спокойнее и объективнее, но не хватает конкретной вовлеченности в происходящее, осязаемой информации, необходимой беллетристу. В советские времена я месяцами жил в Грузии, а сейчас бываю там от случая к случаю. Я физически осязал, как грузинский материал последнего, трагического периода истаявал у меня в руках, и благодарен Отару Чиладзе за его «Годори», который позволил мне прикоснуться и обжечься.

Мой пятый по счету роман, «Предчувствие октября», совершенно русский, одно время я даже собирался «запсевдонимить» его – для большей органичности подписать русской фамилией.

Е. Ч.: Скажите, а вы никогда не задумывались о понятии «гибридности» и нахождении в межкультурном пространстве по отношению к себе? Например, современная наука наполнена примерами успешных ученых и писателей, выходцев из арабских или индийских стран, которые сделали прекрасную карьеру в США или Великобритании. Как и кем вы ощущаете себя в Москве?

А. Э.: Это хороший вопрос. Помню, в одном интервью тбилисской газете я сам задался

Нодар Думбадзе

вопросом: «Интересно, как себя чувствует индус в Лондоне?» В советские годы такое не могло прийти в голову, все было слишком органично, я всюду был дома. Теперь же происходит нечто противоположное: помню, как мне было тягостно поселиться в гостинице неподалеку от дома, в котором я вырос.

В России, в Москве я не чувствовал себя искусственно вдвинутым в русскую среду, тем более в русскую литературу. Я был выпестован ею: в студенческие годы мне приснился Лев Толстой – старик спал на кушетке, на балконе нашего деревенского дома.

Думаю, известную роль в «натурализации грузина» сыграло и то, что мой дебют в Москве прошел на редкость успешно. За считанные годы «Брак...» был переведен на пятнадцать языков, неоднократно экранизирован, инсценирован для театра и на радио; московскую шести-серийную радиоинсценировку озвучивали звезды московских театров; по роману был создан даже мюзикл, музыку которого написал замечательный композитор Георгий Цабадзе. К тому же в 1970-х годах Грузия еще оставалась в общественном сознании несколько привилегированной республикой, а место Грузии в русской культуре всегда было особенное.

Е. Ч.: Я читала у Андрея

Битова об особой атмосфере, царившей в Литинституте, связанной с дружбой с Грантом Матевосяном, Резо Габриадзе и всеми другими представителями блестящей плеяды шестидесятников. Например, когда я разговаривала с Эльдаром Шенгелая, он мне сказал: «у нас была дружба профессионалов». По вашему мнению, какая там была атмосфера? Это была дружба профессионалов? Не было ли межнационального напряжения?

А. Э.: Абсолютно нет! Наверное, у кого-то была и дружба профессионалов, т. е. людей, поддерживающих друг друга в работе, но прежде всего – была дружба людей. Скажу больше – мы любовались национальной особенностью другого, каждый как бы даже слегка педалировал свою этническую особость: латыш Скуениекс, аварец Адалло, украинец Мовчан, эстонец Траат, таджик Зулфикаров, казах Сулейменов, русский Белов, азербайджанец Айлисли... Были и общие увлечения. Так, через меня мои однокурсники любили тбилисское «Динамо», уникальную футбольную команду шестидесятых. Тбилисские друзья попросили меня купить абонементы в Лужники ради единственного матча с испанцами, который по какой-то причине сорвался. У меня на руках

осталось шесть абонементов. Сплоченной ватагой мы шагали за могучим Шота Нишнианидзе, разрезавшим для нас сотысячную толпу на подступах к главной арене. Нет, мы любили друг друга, и любили Месхи, Стрельцова, Лобановского!.. (Знаменитые футболисты 1960-х гг.)

Е. Ч.: Как вы считаете, что стояло за писателями, которые писали не на родном языке, а по-русски? Что ими двигало?

А. Э.: У меня есть статья на эту тему, вернее, публикация доклада, сделанного в фонде Карнеги. Там, правда, немного другой аспект, сугубо творческий, скорее даже стилистический. Но есть несколько мыслей, напрямую связанных с нашим разговором. Если отвечать на вопрос в той форме, в какой он поставлен, писателями, пишущими на неродном языке, двигала беда. У полнокровного литературного творчества один язык: даже Пушкин и Тютчев писали по-французски заурядные вирши. Каждый писатель знает, что существует некий сокровенный опыт, на другом языке невыразимый. Поэтому творчество на другом языке – всегда аномалия и связано с биографическим сломом, в лучшем случае – с драмой. Для подтверждения назову имена: Дж. Конрада, Набокова, Труайя, Робакидзе, Бродского. Такого рода творческие драмы, порой весьма плодотворные, разыгрывались преимущественно в империях: Риме, Византии, Порте, Австро-Венгрии, дореволюционной России.

Но нигде эта проблема не выявлялась так наглядно и ярко, как в Советском Союзе. Коммунистическая империя пережила бурную историю, отразившуюся на судьбах ее граждан. На огромных пространствах происходили смешения народов и языков, миграции, ассимиляции, переселения. К тому же коммунистическая империя не только наследовала Российскую империю, она в известном смысле наследовала и великую лите-

ратуру, созданную на русском языке. Таким образом, становление литературно одаренной личности во всех регионах Союза проходило под воздействием неотразимо обаятельного поля, излучаемого Пушкиным и Лермонтовым, Гоголем и Тургеневым, Достоевским и Толстым, Гончаровым и Чеховым... Откуда же с первых слов в моем ответе возникло слово «драма»? Ведь язык – всего-навсего инструмент писателя. Почему бы армянскому, чувашскому, казахскому писателю без всяких проблем и драм не оснаститься таким ладным, отточенным, совершенным инструментом, как русский язык, и не работать в меру своего дарования?

Такой подход к творчеству возможен и, что называется, имеет место. Но если говорить о творчестве значительного писателя, если говорить о призвании, то здесь дело обстоит не так просто и однозначно.

Прежде всего, родной язык впитывается одаренной личностью с младенчества, буквально с молоком матери. Как сказано у Георгия Леонидзе: «Язык грузинский, жадно и легко я пил тебя, как дети молоко!» Почти никогда другой язык не может быть усвоен и освоен с такой естественностью и свободой. Редчайшие исключения только подтверждают правило. Я уже отметил, что даже Пушкин и Тютчев писали по-французски заурядно. Есть примеры попроче и совсем рядом: читающая публика еще помнит, с каким удовольствием критик В. Бушин «вылавливал блох» в прозе Чингиза Айтматова, и надо признать, что не все его придирки были безосновательны.

Чрезвычайно интересен и другой аспект темы: как интонациональный писатель ищет и находит в русском языке новые краски для адекватного самовыражения, тем самым обогащая палитру русского языка.

Е. Ч.: Вы можете вспомнить какой-нибудь случай, когда о вас отзывались как о негрузинском писателе?

А. Э.: Увы, такое было. В Тбилиси приехали два переводчика, переведшие «Брак поимеретински» на чешский и словацкий, два моих друга – Милан Токар и Владимир Михна. Нас пригласил к себе на дачу Нодар Думбадзе, в ту пору возглавлявший Союз писателей Грузии. Не помню, что помешало мне поехать к Нодару, а Михна с Токаром после беседы с ним не без досады поведали: выслушав их рассказ о том, какой успех имела в Чехословакии моя книга, Думбадзе с кислой миной заметил: «Он хороший парень и, может быть, хороший писатель, но не грузинский писатель». В ответ на азартные возражения, дескать, через эту книгу у нас в стране полюбили Грузию, Нодар пояснил: «Если я приеду к вам в Чехословакию, а потом напишу о ней хорошую книгу, разве я стану чешским или словацким писателем?» Тут Нодар определенно перегнул. «Брак...» беспримесно грузинская вещь, а не зарисовка туриста. Я горжусь тем, что, благодаря огромному тиражу и многочисленным переводам, донес до самых дальних берегов обаяние родной Имеретии.

Е. Ч.: Как вам кажется, что изменилось в восприятии грузин в России начиная с 1990-х годов?

А. Э.: Зураб Авалишвили – был такой дипломат в меньше-

вистской Грузии – писал в своих исторических исследованиях: «Грузины – нация, избалованная романтическими комплиментами». Необычное самоощущение, льющее воду на присущий нам нарциссизм. В Империи, под чужими знаменами, мы были хоть куда! Легендарный гусарский полк, возглавляемый князем Амилахвари, славный герой Бородина Петр Багратион и, конечно, главная фигура – Сталин!.. Но собственный инстинкт самостояния, мускулы государственности ослабли за 200 лет. На нынешнем историческом отрезке мы явно сплеховали! Мы не вписались в крутой поворот, нежданно возникший на пути, и озадачили друзей, по-прежнему склонных любоваться Грузией и грузинами.

Е. Ч.: А что вы имеете в виду, уточните?

А. Э.: Помню сюжет, прошедший в конце 1980-х по ЦТ, вроде тех, что любят обсуждать в программе «Пусть говорят». Батумский юноша влюбился в русскую курортницу и женился на ней. Родители юноши узнали о легкомысленных похождениях избранницы их сына и отказали молодым от дома. Юноша взбунтовался, случился скандал. История попала на перо борзописцев. Какова реакция грузинской общественности? Из Тбилиси в Москву прибывает делегация – видный теа-

Петр Багратион

тральный деятель и известный поэт, они организуют полемику в телеэфире, в которой, как им кажется, отстаивают честь Грузии и ее традиции. Все это выглядело провинциально, мелко, невзрачно, не соответствовало образу Грузии, созданному за десятилетия русскими поэтами от Маяковского и Пастернака до Евтушенко и Ахмадулиной.

Е. Ч.: Выходит, что к концу 1980-х ситуация постмодернистски вывернулась?

А. Э.: Выходит, что так. Для этого много причин. И наша вина, вина грузин, в случившемся велика. Повторю: мы не сумели вписаться в крутой вираж перемен. Однако эту метафору необходимо уточнить: все эти годы, все 25 лет на опаснейшем вираже нашу хрупкую малолитражку бесцеремонно теснит гигантский трейлер; полагаясь на свои размеры и мощность двигателя, он нарушает все правила дорожного движения, мы же вынуждены думать только о том, как бы не расшибиться в лепешку.

Когда-то Мераб Мамардашвили предрекал: если Россия успешно справится со своими проблемами и сумеет преобразиться в подлинно демократическое, социально справедливое государство, это станет примером для всего сопредельного пространства. Покамест Россия

даже не ставит такой задачи, а ее действия по отношению к Грузии особенно бесцеремонны.

Е. Ч.: А были ли в литературе примеры вроде той телепередачи, которую вы упомянули? Помните ли вы публикацию, задевшую национальные чувства грузин?

А. Э.: Этот вопрос показывает, как вы молоды, Елена, во всяком случае насколько моложе меня.

Дело в том, что в середине 1980-х в литературной жизни случилось событие, привлекавшее всеобщее внимание. Обычно в таких выражениях говорится о самых ярких публикациях и книгах. В нашем случае тоже была публикация, однако реакция на нее никак не соответствовала художественным достоинствам. Журнал «Наш современник» напечатал рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» – опус non-fiction, описывающий пребывание автора в писательском Доме творчества в Гагре и его краткую поездку к приятелю в Цхалтубо.

Случилось так, что я оказался близко к событию, описанному в злополучных «Пескарях», а позже даже вовлечен в продолжение. В свое время кураторы советской идеологии из ЦК не советовали возвращаться к этой истории, их можно понять. Но я все-таки поделюсь моими воспоминаниями и соображе-

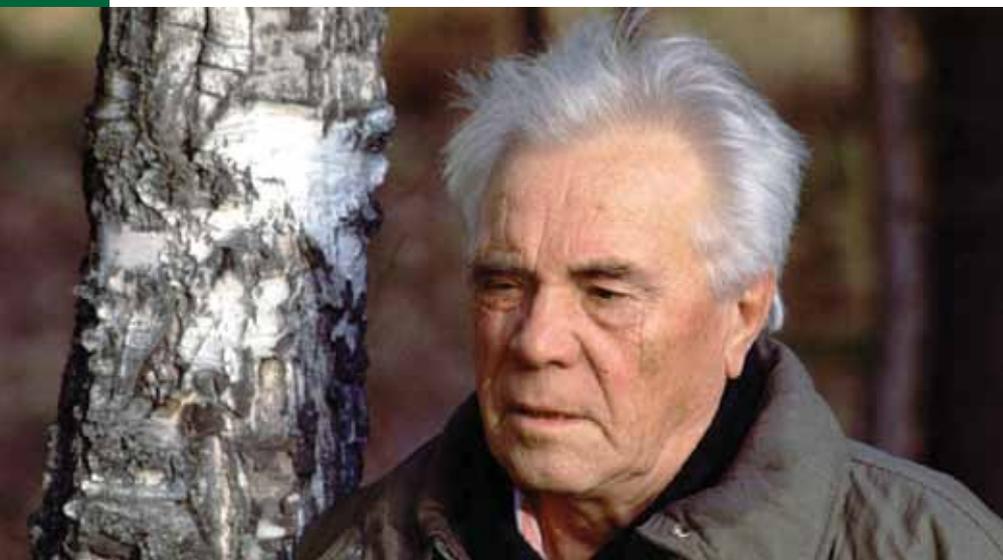
ниями, не только потому, что в центре скандала оказались два выдающихся писателя и касающиеся их подробности ценны как биографический материал, но и потому, что само событие обозначило трещину в межнациональных отношениях, в которую хлынули скопившиеся претензии, счеты и обиды. Надеюсь, что за 30 лет страсти поутихли и наш разговор не раздувает угасший пожар.

Два писателя – это Виктор Астафьев, автор рассказа, и Отиа Иоселиани, его главный герой, прозрачно закамуфлированный под Отара Свана.

Сегодня их нет с нами, что обязывает меня быть предельно точным.

Итак, в начале 1960-х в Гагру приехал писатель Астафьев. Администрация Дома творчества поселила неизвестного провинциала в скверном номере и крайне неудобно посадила в столовой. В ту пору Астафьев – автор заурядных повестей «Перевал», «Стародуб» и др., но в глубине души писатель с его потенциалом не может не сознать не реализованную до поры мощь. Виктор задет обхождением. Тут в Доме творчества появляется оповещенный открыткой сокурсник по ВЛК Отиа Иоселиани. Он приехал на новенькой «Волге» со сверкающим оленем на капоте, походя пожурил администрацию, посмеялся над местным вином, которое простодушно пил его «непосвященный» друг, усадил его в свою «Волгу» и увез в Цхалтубо. Скорее всего, в машине разговор коснулся съемок фильма по роману Иоселиани и предложения Серго Закариадзе, будущего «Отца солдата», написать пьесу для театра «Руставели». Вряд ли эти подробности развеяли увезенную из Гагры досаду. В Цхалтубо Виктор увидел двухэтажный дом с арочной колоннадой и десятью комнатами (в скобках замечу, собственноручно выстроенный Отией от фундамента до кровли). В этом доме гость прожил несколько дней, выезжая на

Виктор Астафьев

экскурсии по историческим местам и ловлю рыбы, в том числе злополучных пескарей.

Не удивительно ли — зерно рассказа было заронено в начале 1960-х, рассказ же появился в середине 1980-х. К этому времени Астафьев — знаменитость, большой писатель, перу которого принадлежат лучшие страницы русской прозы второй половины XX века — «Царь-рыба», «Последний поклон», «Пастух и пастушка»... Но именно к середине 1980-х в творчестве Астафьева намечается этап, смутивший многих его почитателей: оптика мастера словно разъедается катарактой или затягивается черной линзой; при этом самородное слово не слабеет, а даже наливаются силушкой. Этапным, в означенном русле, видится «Печальный детектив», дальше пошло по нарастающей. В результате оробевшему читателю явился удручающий симбиоз: на страницы последних произведений писателя словно бы выступил мучимый изжогой, угрюмый мужик, яростно гвоздящий многочисленную родню, всех без разбора, налево и направо. От его гневного ока и отравленного слова не укрыться никому. Не чурается он и зуботычины.

Вот в такую пору, на беду нам — грузинам, из зерна, зароненного 25 лет назад, пророс рассказ — невзрачный куст, усыпанный ядовитыми ягодами. Все, что в Грузии попадает на глаза рассказчику, вызывает у него неприязнь, негодование, омерзение. Доходит до того, что рубиновые зерна граната, прекрасного библейского плода, напоминают ему цингозные десна (это ли не болезнь оптики!), а безобидный хохолок поверх индюшачьего клюва свисает как гнилое мясо. Коровы на имеретинских взгорках отвратительно безроги и до неприличия мелкопородны, а редкие цхалтубские пальмы чахоточно чахлы. Искажённая оптика, вкупе с отсутствием такта, подводит писателя и в более существенном. Он, конечно, не знал, что мать Отии,

Отиа Иоселиани

овдовевшая задолго до войны, оставила осиротевших сыновей и вышла замуж и лишь на склоне лет, больная и беспомощная, постучалась в дом к старшему сыну. Поведение старой женщины объяснялось неуверенностью и смущением, и рассказчику в его мотивациях следовало бы проявить больше деликатности и такта, но эти качества чужды автору «Пескарей». Не щадит он даже своего сокурсника, проделавшего ради него неблизкий путь и принимающего в меру своего понимания; в гневном публицистическом отступлении он ставит этого непростого, но нравственно безупречного человека в один ряд с торгашами на российских рынках, нагло обирающими честных работяг!..

Не знаю, наловил ли в Грузии Виктор Петрович пескарей, но дров он наломал изрядно.

Грузинская общественность возмутилась пасквилем и завалила автора письмами. Помню, как при встрече в ЦДЛ Виктор раздраженно сетовал на мешки гневных посланий и допытывался: «Слушай, ты знаешь Терентия Убилаву, журналиста из Очамчира? Как бы его угомонить? Придурок чуть не каждую неделю шлет мне письма с угрозами и пугает мою Машу...»

Негодование грузинской общественности, огороженное цензурой, долго не выплескивалось в союзную прессу, но тут в

конфликт вмешался Натан Эйдельман: московский интеллектуал, автор популярных исторических романов, обнародовал свою частную переписку с автором «Пескарей». «Самиздат» в считанные дни растиражировал переписку по всей стране. Неожиданно возникший еврейский вопрос придал русско-грузинской перепалке иной тон и масштаб. То, что еще можно было решить полюбовно, командировав на республиканскую конференцию милейшего Гаврилу Троепольского, выросло в скандал такого масштаба, что на писательском съезде, проходившем в Кремлевском дворце, грузинская делегация покинула зал.

Сегодня, на расстоянии, незначительность повода бросается в глаза. В творчестве Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» не больше чем эпизод, мелочь. Но дело в том, что 30 лет назад причина происшествия гнездилась не столько в злокозненности текста, сколько в подспудных явлениях, назревавших в стране, в форшоках, предвещающих грядущие потрясения.

Продолжение следует

Из сборника статей «Россия-Грузия. После империи»

Москва. Новое литературное обозрение. 2018

Кетеван Магалашвили. П-т В. Стешенко-Куфтиной

К. Магалашвили и Е. Ахведиани

«О тех, кто с Грузией дружит»

■ **Лия БУАДЗЕ**

История человечества знает личности, творчество которых почти с зеркальной точностью отображает интеллектуальные деяния, сферу и масштабы человеческих отношений конкретной эпохи, конкретной страны. В настоящей статье речь пойдет о выдающемся мастере портрета Кетеван Магалашвили, которая оставила народу Грузии богатое культурное наследие. Она создала целую галерею портретов, которые рассказывают о многом. И эта нарративность придает особое звучание даже тем портретам, которые отличаются глубоким психологизмом и которые, являясь артефактами, вовсе не нуждаются в помощи какого-либо контекста. О значении творчества К. Магалашвили сказано при жизни художницы. На сей раз нахожу уместным процитировать неповторимого мастера слова и пера, нашего соотечественника Ираклия Андроникова: «Какое уносишь поэтическое и широкое представление о наших современниках, о грузинской культуре, о грузинской науке. И о тех, кто с Грузией дружит! И о таланте, о своеобразии самой художницы. С какой любовью написан каждый портрет».

Да, нетрудно догадаться, что

лейтмотивом моего сюжета являются отношения портретируемых с Грузией. Портреты представителей разных национальностей – Ганса Фохта, Эрнста Галопы, Генриха Нейгауза и его супруги – Сильвии Нейгауз, Василия Шухаева, Ирины Чижовой, Нины Дорлиак, Святослава Рихтера, Георгия Товстоногова, Юрия Григоровича, Елены Гоголевой, Никиты Толстого, Марии Гринберг, Елены Тагер, Валентины Стешенко-Куфтиной воспроизводят в памяти незабываемые истории искренней любви к Грузии и судьбы людей, которые запечатлелись в истории культуры Грузии XX века.

Портрет пианистки В. Стешенко-Куфтиной, написанный в 1941 году, можно отнести к самым показательным явлениям и по масштабам повествовательного материала и по характерологическому аспекту, наполненному глубоким драматизмом. Магалашвилевский портрет – это не просто изображение человека, а сага о личности. Зная трагическую судьбу пианистки, зрителя приводит в удивление умение мастера так глубоко вникнуть в образ модели. Вспоминается запись прославленного специалиста, колоритного представителя

медицинской сферы в книге впечатлений на выставке 1972 года: «Вы являетесь блестящим психологом. Это говорю Вам я – Авлип Зурабишвили. Я как представитель сферы психологии воистину горжусь Вами... Творчество К.М. представляет высший академический персонологический мир в искусстве». Тот, кто хоть раз позировал художнице, мгновенно раскрывал «секрет» мастера-рассказчика. Хотя она его не скрывала. Вот послушайте и сами убедитесь: «Перед началом работы объект моего замысла вызываю на диалог, спор или же иным способом стараюсь как-то оживить, чтобы уловить движение лица, рук, глаз».

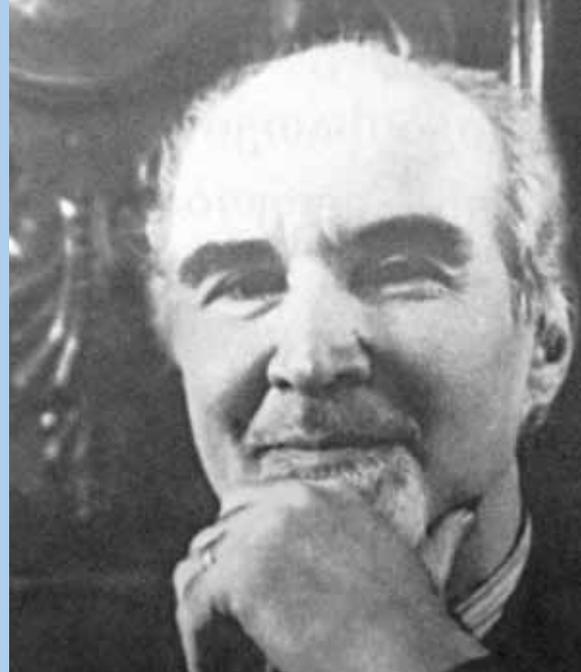
В 1995 году в связи с ретроспективной выставкой художницы, работая над материалом для публикации, я специально встретила с некоторыми из тех, кто был изображен на ее полотнах. Гениальная поэтесса Анна Каландадзе рассказывала мне об удивительном преображении художницы во время сеансов. Дело в том, что в обычной жизни, в быту Кето (так ее называли близкие) не славилась многословием. Современники в своих мемуарах отмечают, что ее отношения с многочисленными дру-

зьями, даже с самыми близкими людьми, носили «камерный», «статичный» характер. Она выделялась «солидностью», «умеренностью», «сдержанностью не только в поведении, но и в речи». «А сеансы – это ее стихия». «Во время сеансов происходило нечто невероятное». Не случайно, что большинство портретируемых становились ее друзьями. Анна Каландадзе после стольких лет не скрывала своего восторга и сохранила впечатления от сеансов на всю жизнь. Она показала мне скрупулезную запись этих бесед, и настолько интересными находила их, что намеревалась опубликовать, что и осуществила позже. Для нас же знание своеобразия творческого метода мастера является значительным моментом с профессиональной точки зрения, так как раскрывает секрет правдоподобия портрета-рассказа. Легкое движение торса, головы, рук или же выражение лица, направление взгляда, ракурс иной раз играют роль главной, определяющей реплики в характеристике модели. К. Магалашвили, как хороший актер, точно знала, «куда деть руки», как создать настроение спокойствия или же напряженности.

Безусловно, творчество Кетеван Магалашвили составляет важную часть национального культурного наследия Грузии. По моему глубокому убеждению, характерной чертой магалашвилевского наследия является тот факт, что интерес к ее богатой портретной галерее не погаснет никогда, а скорее всего наоборот – со временем она превратится в незаменимый источник, позволяющий черпать идеи для научных открытий, темы, сюжеты для больших и малых рассказов, для воспроизведения утерянных или забытых эпизодов человеческих судеб. Каждая картина – это летопись. Поэтому историзм и есть самый главный объединяющий и обобщающий показатель данной уникальной галереи портретов, среди которых находятся и истинные шедевры этого жанра искусства.

Для моего рассказа на этот раз я выбрала вышеупомянутый портрет пианистки Валентины Стешенко-Куфтиной. В музыкальной, археологической и историко-искусствоведческой среде

фамилия Куфтиных, своими благими деяниями (а не на уровне риторики!) ассоциируется с доброжелательностью и любовью к Грузии. Борис Куфтин – супруг Валентины Стешенко внес весомый вклад в развитие археологической науки Грузии. Определяющим фактором в этом, скажем так, непростом деле, являлась независимо мыслящая натура талантливой личности, которая не подчинялась строго установленным, псевдонаучным, монополистическим директивам ни царской, ни советской империи. Эта природная внутренняя независимость способствовала становлению профессионализма наивысшего уровня. Достаточно вспомнить несколько фактов из его биографии: за участие в студенческих движениях 1910-11 гг. был исключен из Московского университета, уехал за границу (Франция, Швейцария, Италия), в 1913 г. вернулся по амнистии в связи с 300-летием дома Романовых; «Партийно-государственное давление на науку значительно усилилось, в научных и учебных заведениях прошла волна чисток. Попал в нее и Борис Алексеевич: 27 сентября 1930 года был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и выслан на Север сроком на три года, ссылку отбывал в Вологде»; «Однако даже в этих условиях Куфтин не прекращает попыток заниматься наукой: в 1932 г. он пишет статью «Архитектура туземцев Дальнего Востока» для готовившейся в то время «Дальневосточной энциклопедии»; «В 1933 г. Куфтин был восстановлен в правах, но продолжать работу в Москве уже не было возможности: он был официально отнесен к «группе идеологов либеральной буржуазии», которым ставилось в вину «некритическое восприятие буржуазного наследства»; Переезд в Тбилиси «по-видимому, уберег ученого от новых репрессий. В конце 1933 - начале 1934 г. по сфабрикованному «делу славистов» была арестована большая группа ученых-гуманитариев, среди них – девять этнографов, в том числе ближайшая сотрудница Куфтина по ЦМН Н.А. Лебедева»; Ходят слухи о подозрительной «случайности» его смерти. По официальной версии, погиб в результате

Борис Куфтин

несчастливого случая летом 1953 г. в Прибалтике, во время отдыха.

«Заслуги Куфтина перед национальной археологической и исторической наукой Грузии были по достоинству оценены. В 1944 г. он был избран членом-корреспондентом грузинской Академии наук Грузии, в 1946 г. – ее действительным членом. Его работы широко публиковались».

А все началось с того, что, будучи прославленным и титулованным ученым, этнографом, археологом, профессором, членом многих международных престижных научных обществ, Борис Алексеевич Куфтин в апреле 1933 года обратился к своему грузинскому коллеге, известному археологу Георгию Ниорадзе с просьбой о помощи в деле переезда на постоянное место жительства в Грузию.

«Систематизировав и изучив все известные к тому времени археологические материалы, Б.А. Куфтин воссоздал картину развития бронзовой культуры на территории Грузии и сделал принципиально правильное заключение, что «прекрасная родина грузинского народа должна рассматриваться и как прародина его культуры». «...Им с самого начала была воссоздана в основном правильная картина культурно-исторического развития и сделан вполне обоснованный вывод, что древнейшие корни истории грузинского народа следует искать в далеком прошлом... Дальнейшие исследования, давшие огромный фактический материал, еще более уточнили и утвердили вы-

двинутые им положения о ранних стадиях истории Грузии».

Известный археолог и специалист музейного дела Серго Надимашвили (1917-2009 г.) неоднократно принимал участие в руководимых Куфтиным археологических экспедициях с 1936 до 1952 г. и по праву считал себя учеником Бориса Алексеевича. Сын археолога искусствовед Солон Надимашвили любезно поделился со мной своими впечатлениями о научной сессии, посвященной 110-летию со дня рождения Б.А. Куфтина. «Сессия, которая была организована Центром археологических исследований Академии наук Грузии и Государственным музеем Грузии, состоялась 18 и 19 февраля 2002 года. На сессии были представлены довольно интересные доклады. Выступил и отец. Он вместе с Куфтиным вспомнил его супругу – госпожу Валентину Стешенко, которая также внесла весомый вклад в изучение культуры Грузии. 18 февраля участники сессии и приглашенные гости отправились в Пантеон общественных деятелей, где возложили цветы на могилы замечательной супружеской пары. Отец тогда со слезами на глазах рассказал мне историю их кончины и о том, что Борис Алексеевич завещал похоронить его на грузинской земле. Мемориал установили в том же году, а позже, в 60-х годах, украсили на основе специального конкурсного проекта».

Без преувеличения можно сказать, что они были созданы друг для друга. Общие интересы – истоки древнейших народов и их культурное наследие, профессиональные показатели – отношение к научным исследованиям, высший уровень исполнительского и исследовательского мастерства и т.д. определили их судьбу. Валентина Константиновна окончила Киевскую консерваторию по классу фортепиано в 1923 г. Однако увлечение народным творчеством переросло в истинные научные изыскания, и уже с 1928 года она собирает и изучает музыкальный фольклор, участвует в фольклорных экспедициях. Расцвет исполнительского мастерства и научной деятельности пианистки приходится на 1935 год, после переезда на постоянное место жительства в

Грузию, где была богатая почва для работы этих одаренных людей.

С 1935 г. В. Стешенко преподает специальное фортепиано в Тбилисской государственной консерватории, в 1947-1950 годах заведует кафедрой фортепиано, также читает курс лекций по истории и теории пианизма. Ее высокохудожественное исполнение получает большое признание тбилисской публики – искусственной и избалованной выступлениями таких знаменитостей, как Генрих Нейгауз, Святослав Рихтер, Мария Гринберг и др.

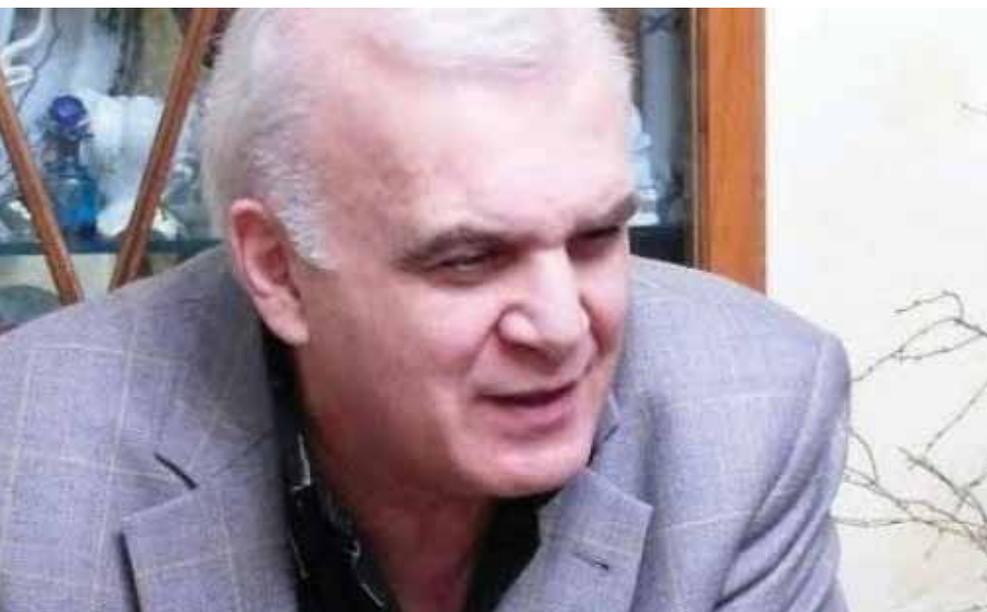
Следует вспомнить одну тбилисскую особенность: большую роль в культурной жизни города играли также сольные концерты, творческие встречи знаменитостей в мастерской Елены Ахведиани. В этом элитарном салоне подружилась и сблизилась семья Куфтиных с Кетеван Магалашвили, которая в 1941 г. создает портрет пианистки. Однако лишь красивые и тонкие руки модели «намекают» на профессию. История Куфтиных помогает угадать замысел автора портрета. Видимо, целью художницы было представить не только исполнителя, а в первую очередь, глубокомыслящего, целеустремленного ученого, осознававшего все трудности и возможные трагические последствия искателя правды. Ведь с 1935 года Валентина Константиновна – научный сотрудник этнографического отделения Государственного музея Грузии, а уже в 1936 году концертом «Фольклорный жанр в современной музыке» она продемонстрировала блестящий пример синтеза своих творческих и научных исканий. Куфтины всегда были вместе в экспедициях, в кругу друзей и даже в ссылке. Таким образом она была в курсе директив империи в научно-исследовательской сфере. Что касается нашумевшего портрета, это уже мастерство К. Магалашвили, которая так образно раскрыла глубину духовного мира близкого ей человека.

О Куфтиных написано много. Нахожу целесообразным вспомнить фрагмент из воспоминания С. Надимашвили – ученика и коллеги археолога: «Научные открытия господина Куфтина, Кавказ и, в частности, Грузию поставили

рядом с цивилизациями древнейших стран древнего мира: Шумеры, Египет, Ассирио-Вавилония, Крито-микенская цивилизация. На основе археологического материала было установлено, что в ранней бронзовой эпохе картвельские племена имели отношения со странами Ближнего Востока и с Крито-Микенским миром... Спутницей жизни господина Куфтина была бесподобная украинская госпожа, талантливая пианистка Валентина Константиновна Стешенко, которая также искренне, от всей души любила Грузию, как ее супруг... Она на научном уровне изучила разновидности грузинских музыкальных инструментов «саламури» – «ларчеми» и «соинари», на которых играли в Гурии и Самегрело. Госпожа Куфтина на нотную систему перенесла ряд песен. Ее исследование под названием «Флейта Пана» было опубликовано в Тбилиси в 1936 году («Древнейшие инструментальные основы грузинской народной музыки»). Этот труд выделяется роскошью параллельного материала. В нем представлены музыкальные инструменты, изображенные на археологическом материале древнего мира, конкретно – на рельефах. Исследователь на высоком научном уровне как с исторической, так с музыковедческой точки зрения знакомит нас с происхождением «ларчеми» и «соинари», а также со сложной техникой игры на этих инструментах.

Для Валентины Константиновны Борис Алексеевич являлся не только супругом, но и великим ученым и верным другом. Это и определило трагический конец ее жизни. Летом 1953 года они отдыхали под Ригой. Из-за несчастного случая Борис Алексеевич сильно пострадал и после операции, проведенной в госпитале, в результате тромбоэмболии скончался 2 августа. Валентина Константиновна там же, в госпитале покончила с собой. Брат Бориса Алексеевича Алексей Куфтин привез их в Тбилиси. Здесь нашла свою вечную обитель влюбленная в Грузию и ее культуру эта замечательная супружеская пара».

У нас их помнят, любят, ценят...

Валерий Партугимов

«Я вернулся в мой город...»

■ Арина БОРИСОВА

Он вернулся в свой город, «знакомый до слез, до прожилков, до детских припухлых желез...». Теперь уже навсегда.

Есть определенный тип людей – не лучше и не хуже других – просто таких, о которых странным кажется говорить в прошедшем времени. Столько энергетика и жизнелюбия в них заложено. Природой. Генами. Радостью бытия. Таким и был недавно ушедший из жизни наш коллега и друг – замечательный московский журналист и истинный душой тбилисец Валерий Владимирович Партугимов.

Он родился 28 апреля 1939 года в Тбилиси, в семье молодых журналистов – Владимира Михайловича Партугимова и Гоар Аркадьевны Тер-Погосовой-Партугимовой. Вторым и очень желанным ребенком. Счастье детей благополучных семей того поколения было полноценным, но коротким. Уйдя на фронт с первого же дня войны, комиссар

батальона Владимир Михайлович Партугимов погиб в боях под Сталинградом... Мамы детей погибших фронтовиков огромной страны, что звалась Советским Союзом – одна из неприкосновенных святынь в истории той эпохи. Как удавалось этим сверх женщинам выживать самим во мраке беспробудного горя, работать не покладая рук круглые сутки и растить при этом детей?! И что примечательно, – как правило, – из этих детей вырастали достойнейшие люди. Одной из таких мам и была Гоар Аркадьевна – долгие годы проработавшая в тбилисской газете «Советакан Врастан». Ей повезло чуточку больше, чем тысячам вдов погибших солдат в стране. Она жила в Тбилиси, под небом Грузии, где человек никогда не остается наедине со своей бедой. Да и семья была большая, дружная. Целый клан. Это чувство локтя. Чувство единения родных и близких – стало

основой мироотношения двух братьев – Эдуарда и Валерия. Разные по характеру, по темпераменту и профессии (Эдуард посвятил себя физике), они были едины в канонах чести, верности и преданности.

Так внезапно, не меняя образа и темпа активнейшей жизни, незаметно ускользнул в мир иной наш талантливый друг, товарищ, коллега! Ловлю себя на том, что готова вспоминать и говорить о его статьях, рассказах, длинных и мудрых размышлениях – о жизни, политике, искусстве – только бы отодвинуть подальше необходимость слов о финале. А ведь сколько раз блистательный и дотошный редактор, стилист, историк – Валерий Владимирович – строго говорил чрезмерно болтливому собеседнику, студенту, наводящему облако вычурных слов ввиду отсутствия конкретного знания, коллегам, просившим его «пробежать глазами» готовый к публикации материал: «Начни, пожалуйста, с конца».

Аккуратный, подтянутый Валерий Владимирович никогда, до самого последнего дня не производил впечатления человека преклонных лет. Хотя не дожидаясь своего восьмидесятилетия меньше года. Ему ничего не стоило сесть за руль у подъезда московского дома и пуститься в путь к городу своей любви, своей мечты – Тбилиси. Его широкие познания в области истории и культуры Грузии никак не ограничивались рамками хобби или ностальгии по родным местам. Это были всегда подкрепленные научными источниками и многократно перепроверенные достоверные знания. Фанатически любящий чистоту и порядок во всем – в окружающем пространстве, в работе, в помыслах своих – он не доставлял никому никаких хлопот – носился с утра до ночи на своем верном «Мицубиси» из одного конца Москвы в другой. Решая крупные и мелкие дела всех своих подопечных. Совсем недавно, в какой-то случайной светской беседе о литературных приоритетах Валерий

Владимирович, несколько даже смутившись, признался, что на необитаемый остров взял бы с собой «Маленького принца» Экзюпери. Эти же слова я слышала от него более полувека назад. Оно и понятно! Ведь не афишируемым девизом его жизни был непререкаемый закон – «мы в ответе за тех, кого приручили». Приручал он легко и вдохновенно, увлекаясь, восторгаясь, влюбляясь. Увлекая. Восхищая, влюбляя в себя...

В начале шестидесятых годов прошлого столетия в редакции легендарной газеты «Заря Востока» появился вот такой вот (фото N1) – нестандартного – для органа ЦК компартии Грузии – облика молодой человек. В фирменных американских джинсах и ярко пестрой маечке. Ни тебе галстука, ни униформы парработника – черного костюма. Казалось, этого подвижного как

ртуть веселого мальчишку не может интересовать ничего кроме джазовой музыки. Да гитары неразлучного с ним друга, фото-репортера Алика Лукьянцева. Но жизнь очень скоро доказала совсем другое. Перо его оказалось острым, точным и всегда с какой-нибудь «вкусной» изюминкой. Репортажи, очерки, фельетоны – все давалось ему легко, как бы играючи. Этот юношеский азарт и умение увлечься темой остались с ним на десятилетия журналистской деятельности. Валерий Партугимов был из любознательных людей, которые никогда не занимаются любимым делом спустя рукава. Выезжая на автопилоте выработанных навыков. Каждая новая тема становилась для него манящей загадкой, которые можно найти и разгадать, копнув поглубже. Широка была сфера его интересов. Набравшись опыта во всех аспектах профессии газетчика, историк по образованию и врожденный аналитик по натуре, Валерий Владимирович в начале семидесятых годов всерьез переключился на международную журналистику – поступил в аспирантуру московского государственного института международных отношений. После окончания аспирантуры был оставлен на кафедре международной журналистики. И два с лишним десятка лет, проведенных в стенах МГИМО МИД-а, стали значимым этапом его журналистской деятельности.

Педагогическое образование, полученное им в тбилиском институте имени Пушкина, оказалось еще одним его истинным призванием. Наверно, нужно было обладать особой чуткостью к специфике контингента молодых, целеустремленных и амбициозных людей, чтобы так крепко сплотить их вокруг себя. Параллельно с преподаванием предмета «жанры международной журналистики», Валерий Владимирович много лет был бессменным редактором институтской многотиражной газеты «Международник». Тут его душа истинного газетчика расцвела и

заразила любовью к профессии многих своих студентов. Первый же курс, ведущим педагогом которого он был назначен после окончания аспирантуры, и довел его до выпуска – стал ядром редколлегии газеты, на страницах которой многие известные ныне журналисты оттачивали свои перья под зорким оком Валерия Владимировича, давно уже ставшего для них не только наставником, но и другом, которому они доверяли все самое сокровенное. Первого студента, руководителем дипломной работы которого стал молодой тогда еще преподаватель Валерий Партугимов, звали Артем Боровик...

Удачно и успешно развивающаяся карьера международного внезапно была поколеблена событиями 1991 года. Пьянящий дух свободы и тяга к новомодным экспериментам коснулись многих. И всегда шагающий в ногу со временем Валерий Партугимов ушел в бизнес. У него и здесь все получилось! Этой сфере новой деятельности он отдал свыше двадцати лет. Но... истинное призвание не может исчезнуть бесследно. Все эти годы, видимо, копились – новый жизненный опыт, работа мысли, анализ происходящих событий. И снова совершив крутой вираж Валерий Владимирович вернулся в журналистику. Его талант, недюжинные знания и опыт буквально зафонтировали в новых его журналистских работах. Взвешенная позиция в самых спорных и запутанных ситуациях, событиях мирового масштаба снискала ему репутацию крепкого и беспристрастного аналитика. У него собрался огромный материал. Эссе, рассказы, обзоры острых политических событий. Много опубликовано. Еще в разы больше хранит его компьютер. Нам, его друзьям и коллегам, предстоит разобраться в этих рукописях и донести их до читателей. Работы много! Так что мы и не думаем прощаться с тобой, Валера! Ты же просто вернулся в свой город!

სანქტ-პეტერბურგის
კულტურის კომიტეტი
КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

სანქტ-პეტერბურგის დღეები თბილისში

ДНИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ТБИЛИСИ

10 ნოემბერი | 19:00
ноября

დონ კიხოტი

ბალეტი სამ მოქმედებად

Дон Кихот

БАЛЕТ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ლეონიდ იაკობსონის სახელობის
სანქტ-პეტერბურგის სახელმწიფო
აკადემიური ბალეტის თეატრი

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР БАЛЕТА
ИМЕНИ ЛЕОНИДА ЯКОБСОНА

მუსიკა - ლუდვიგ მინკუსი
МУЗЫКА ЛЮДВИГА МИНКУСА

ლიბრეტო - მარიუს პეტიპა
ЛИБРЕТТО МАРИУСА ПЕТИПА

დადგმა და ქორეოგრაფია - იოჰან კობორგი
ПОСТАНОВКА И ХОРЕОГРАФИЯ ЙОХАНА КОБОРГА

მარიუს პეტიპას სპექტაკლის მიხედვით
ПО МОТИВАМ СПЕКТАКЛЯ МАРИУСА ПЕТИПА

დამდგმელი მხატვარი - ჟერომ კაპლანი
ХУДОЖНИК-ПОСТАНОВЩИК ЖЕРОМ КАПЛАН

სასცენო განათება - ვენსან მილლე
ХУДОЖНИК ПО СВЕТУ ВЕНСАН МИЛЛЕ

ა. გრიბოედოვის სახელობის თბილისის სახელმწიფო
რუსული დრამატული თეატრის სცენაზე

НА СЦЕНЕ ТБИЛИССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ А. С. ГРИБОЕДОВА

ბილეთების შეძენა და დაჯავშნვა: (032) 2 931 106 | (032) 2 93 43 36
ЗАКАЗ И ПРИОБРЕТЕНИЕ БИЛЕТОВ:

biletebi.ge

მარანი

რესტორანი & ბარი

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ БРЕНД G.G. GROUP УЖЕ В ГРУЗИИ!

С террасы нашего ресторана открывается красивейший вид на историческую часть Тбилиси. У нас вы можете оценить по достоинству грузинские и европейские блюда, приготовленные шеф-поваром из Марокко.

В ресторане «Марани» широкий выбор коктейлей с различными ароматами.

Ресторан «Марани» и G.G. Group предлагают интересные вечера с живой музыкой.

Приходите и по достоинству оцените наше особое обслуживание.

Ул. Гришашвили 11, старый Тбилиси
Тел: 0322 22 88 77

maranitbilisi

maranirestaurant&bar